

Шарбану
Бейсенова

НЕВЕСТА ИЗ ДРЕВНЕГО БОЗОКА

Повесть

Холмы, о, холмы, дремлющие в степной тиши!
О девах, спящих в могилах, знаете лишь вы одни.

Мукагали Макатаев

МЕЧТА ШЫРАКБЕКА

В последнее время Шыракбека томит какое-то странное беспокойство, и ему никак не удается сосредоточиться, мысли словно разбегаются в разные стороны. А ведь вроде бы нисколько не сомневался в ясности своей цели и верности пути к ней.

Поначалу вера в то, что начатое дело завершится успехом, как всегда, была сильна. Но поскольку долгие поиски не приводили к очевидному результату, решимость ослабла, и он уже не ощущал в себе прежней энергии. Неужели на этот раз мечта обманула его?

О чем только не мечтает человек в годы неугомонной молодости! Куда только не устремляется, простирая руки к вожденной цели! Однако было ли так, чтобы всё, к чему стремился, в конце концов оказывалось в руках, всё, что преследовал, позволяло взять себя? Придя к этой простой мысли, он ощутил в душе осеннее ненастье. Настанет ли когда-нибудь день, когда он увидит долгожданные плоды многолетней работы? Или... Или, приняв неверное решение, он все-таки пошел не по той дороге? Это гложущее сомнение не дает сомкнуть глаза, и все чаще он встречает рассвет в бессонной изнуряющей маете.

А ведь когда-то сметливым, хватким юношей с дерзкими порывами обучался он в прекрасном городе на берегу Невы реки. Проводил время в неустанных поисках и сборе письменных материалов и свидетельств иноземцев, изучавших далекое прошлое степного народа. Кропотливо прочитывал книгу за книгой, том за томом, углубляясь в исторические источники. И самоотверженный труд оказался не напрасным: в одном старом журнале он нашел отчет экспедиции, посланной в 1816 году царским правительством для изучения еще не открытых богатств степных просторов, где обитали кочевники.

Внимательно ознакомившись с документом, он аккуратно переписал имена всех участников экспедиции и занялся теперь поиском трудов каждого из этих людей. Со временем он убедился, что, когда дело касалось ведения записей, представители державного народа проявляли величайшее усердие. Шыракбек был преисполнен чувства благодарности за это. В голову приходили даже такие мысли: «Да пребудет в раю Иван Шанин, горный инженер! Во время экспедиции он вел дневник, да так старательно, словно нанизывал на нитку времени события детально описывал всё, что видели его глаза». К тому же эти записи были опубликованы в России в 1820 году в императорском журнале «Сибирский вестник» в виде отдельного труда под названием «Во время странствий в бескрайней степи». Разве Шыракбек забудет, какая волна тревожной радости накатила на него, когда в руках оказался этот дневник? Он ощущал себя так, будто нашел золотой самородок!

В дневнике была одна запись, которая приковала внимание Шыракбека, – строки о том, что в междуречье Есиля и Нуры находятся остатки неизвестного средневекового города с захоронениями некоего народа. Этот небольшой текст пробудил неумное желание найти этот город и исследовать, и со временем желание превратилось в горячую мечту. С тех пор мечта эта жила в глубине сердца, постоянно будоража его.

Шыракбек никогда не забывал о ней, лелеял в душе многие годы, надеясь приблизиться хотя бы на шаг. Даже попытался действовать, начав некоторые исследования. Однако неотложные дела не давали возможности начать настоящие поиски. Потом несколько лет ушло на раскопки знаменитого Иссykkского кургана...

И вот теперь, похоже, Всевышний смилостивился над ним, открыв дорогу к исполнению заветной мечты! Как только столица была перенесена из Алматы в центр Арки, власти проявили серьезное намерение исследовать предместья новой столицы. Глава государства распорядился создать научную экспедицию для изучения историко-культурных памятников региона. Была сформирована Есильская археологическая экспедиция, и, видимо, Богу было угодно, чтобы ее руководителем назначили Шыракбека. В то время Шыракбек работал в Евразийском университете. Словно подтверждая поговорку «Нитка следует за иглой», все складывалось само собой. Воля верхов и его собственное желание удачно совпали. Наконец по-настоящему можно было приступить к поиску средневекового города.

Шыракбеку казалось, что пришло время осуществления давней мечты, поэтому с воодушевлением приступил к делу. Работы шли довольно-таки интенсивно, но результатов пока не было: заветный город, не давая археологам обнаружить себя, словно канул бесследно. Это заставляло Шыракбека чувствовать горечь разочарования – он терял уверенность в успехе. Не раз его одолевало малодушное желание прекратить поиски древнего города и заняться спокойной работой по учету памятников культуры. Однако некая сила, жившая в глубине сознания, не давала остановиться. Искра надежды, то угасая, то разгораясь вновь, словно до заветной цели остался шаг-другой, захватывала и околдовывала душу, властно увлекая вперед.

Один-единственный вопрос не давал ему покоя: где мог располагаться древний город? Междуречье Есиля и Нуры протянулось на много километров на стыке двух областей. Где, в каком месте надо забить заветный колышек? В поисках от-

вета он опять обращался к книгам, снова и снова перелопачивал том за томом. Надежда согревала, придавала убежденности. Все глубже погружаясь в мир древних кочевников, он терпеливо выведывал тайны минувших веков.

И надо же такому случиться: его вдруг, словно молния, ожгла неожиданная мысль. Это произошло, когда он, утомленный и от этого несколько рассеянный, сидел за книгой в библиотеке. Озарение развеяло сомнения, тенями множась в его душе, и бросило свет на многие обстоятельства дела, четче обозначив рабочую гипотезу. В одно мгновение перед глазами пронеслись видения, клубясь миражами и завораживая воображение.

В героические времена затяжных войн, прежде чем выбрать место для становища, кочевники, надо полагать, немало размышляли, обращаясь к опыту предков. Они точно знали, как защитить себя. Почему бы не подойти с этой стороны? Действительно, где обычно ставились средневековые города? Внезапно его осенило. Он вспомнил фразу из недавно прочитанной книги: «Тюрки-кочевники, перебираясь на новое место жительства, выбирали для своих городов и становищ зеленую местность с глинистыми почвами, защищенную природными укрытиями». Шыракбеку стало досадно, что так долго упускал из виду это важное обстоятельство. Теперь у него появилась уверенность, что он установил признаки, по которым нужно определять место расположения древнего города: поселение могло стоять вдоль глинистого русла реки Есиль недалеко от озера Бузыкты.

Все же Шыракбек решил взяться за раскопки только тогда, когда план окончательно созреет. И в доселе смутной его душе наконец-то воцарилось спокойствие. Пришло время, когда, твердо веря, что тропа к мечте найдена, он мог энергично взяться за дело. Такая настроенность позволила ему сплотить и вовлечь в единую работу всех участников экспедиции.

По мере того как раскопки продвигались, ему становилось всё лучше, какое-то радостное чувство озаряло его сердце, укрепляя веру в правильности выбранного пути. И всё же... Это был 1999 год. То есть конец двадцатого века. Рубеж смены двух веков – олиара. Старики некогда говаривали: «Если бояться чего-то, надо бояться олиары». Эх, пресветлые старцы, да упокоятся их души в раю, и почему они так говорили?.. И всё же нет-нет, да возвращалось к Шыракбеку прежнее беспокойство, омрачая душу сомнениями... Хотя таинственный город уже найден, пока неизвестно, приведут ли раскопки к весомым результатам. Как бы то ни было, страстное стремление достичь мечту неумолимо влечет вперед, и сердце то замирает в тревожном ожидании, то в предощущении бурной радости заходится стуком, норовя вырваться из груди. Шыракбек изнывал от желания скорее увидеть искомое...

Он не ошибся в своей догадке. Остатки города шаг за шагом открывались глазам археологов. Уже точно определили места, где находились пять больших мавзолеев и пятьдесят захоронений, поэтому темп раскопок был ускорен. В тот год произошло несколько радостных событий, придавших силы без устали работающим археологам. Члены экспедиции, как дети, радовались каждой находке в виде человеческих останков или вещей.

Особенно запомнился один день.

Раскопки погребения обнажили скелет человека. Погребение отличалось тем, что рядом со скелетом были найдены стальной нож, кинжал и серебряный кувшин.

Парни-студенты, участвовавшие в экспедиции, высказали догадку:

– Это останки сакского воина.

На что девушки сразу возразили:

– Тогда почему рядом положили кувшин?

– А что, воин не должен пить воду?

Спор легко решился, когда определили другую найденную вещь: на шейных позвонках и по обе стороны черепа были обнаружены лежащие пригоршнями жемчужины, когда-то по четыреста штук нанизанные на нитки. Скорее всего, это были украшения, пришитые некогда к женскому головному убору. Студентки, глядя на бусы и кувшин, уверенно заявили, что это могила девушки. Джигиты на этот раз молча согласились.

Девушки – народ впечатлительный. Увидев бусы, они проявили живой интерес и предложили: «А что, если мы эту девушку будем называть Инжугуль?» Ребята возражать не стали. Тем не менее вопрос, почему вместе с телом были положены стальной нож и кинжал, повис в воздухе.

Акмарал, один из руководителей экспедиции, во время перерыва попыталась дать этому объяснение.

– У кочевых тюркских племен девушки были лихими наездницами, носили оружие и умело использовали его не для того, чтобы напугать кого-либо, а для самозащиты. Большая часть жизни кочевников проходила верхом на конях. Если бы они не владели этим искусством, не умели пользоваться оружием, как они смогли бы кочевать? В таких условиях и девушки становились воинами...

Череп, отделенный от останков, был отправлен в Москву для исследований в лабораторию антрополога М. Герасимова, своевременно была произведена и оплата. Догадки археологов подтвердились. Мастера в своем деле – ученые-антропологи, изучившие череп, определили, что останки принадлежат молодой девушке. Более того, они воссоздали форму и прислали слепок ее головы.

В тот год артефакты, найденные в погребении, дали новый импульс исследованиям Шыракбека. Тщательное их изучение открыло возможности для более точного датирования века построения древнего городища. Как же теперь это называть, если не осуществлением давней мечты?! Это было немалое достижение. У Шыракбека было прекрасное настроение, он чувствовал себя окрыленным, словно парящим над землей. Волнение, безотчетная тревога – всё осталось позади. Теперь нужно было, не отклоняясь, довести исследования до логического конца.

Бывая в исследовательской лаборатории, он никогда не упускал случая еще раз осмотреть найденные во время раскопок артефакты, восстановленную по черепу голову Инжугуль, а особенно бусы из жемчужин. Разглядывая бусы, он отдавался во власть воображения и не раз задавался вопросом: «Вы же дошли до нас через десять веков. Кто был вашей хозяйкой? Если бы вы могли поведать об этом... Эх, если бы вы могли говорить!...»

ИСТОРИЯ, ПОВЕДАННАЯ БУСАМИ

Шыракбек перестал сомневаться в том, что Всевышний может воздать во сто крат за искренние упования раба своего. Возможно, оттого, что размышлял о хозяйке бус всякий раз, глядя на них в лаборатории, во сне он стал видеть Инжугуль...

Однажды ночью он проснулся, чем-то встревоженный, – сон как рукой сняло. Подумав, что лежит в неудобной позе, он легонько снял со своей шеи руку жены, осторожно отодвинул ее косу и повернулся на другой бок. И тут увидел, что шторы на окнах сдвинуты. Желтый свет круглой луны потоком струился на постель. Находясь между сном и явью, отрешенно подумал: «Сегодня же полнолуние», и не заметил, как снова погрузился в сон.

«Батыр-джигит, Батыр-джигит, проснись», – ясно послышался ему невыразимо приятный голосок. Охваченный удивлением, он решил, что это сон. Но чей это голос?! «Батыр-джигит, – повторил голос. – Если хочешь узнать обо мне, спрашивай не у бус, а у меня». Ему почудился мелодичный смех. Это был чистый, прозрачный смех, похожий на нежный звон колокольчика. Шыракбек замер, всем существом внимая этому звуку. «Проснись, говорю, мырза! Хотя бы одну ночь пожертвуй мне», – сказал этот непередаваемо теплый и нежный голос.

– Кто ты? – спросил он, все еще не в состоянии понять, во сне это происходит или наяву.

– Не бойся, Батыр-джигит! Я в твоём сне. Твои домашние крепко спят. Никто не знает о моем явлении. Я та, которую вы назвали Инжугуль. Может быть, по этому имени быстрее вспомнишь меня?

– Да, да, Инжугуль! Добро пожаловать в мой сон. Однако я вовсе не Батыр-джигит. Меня зовут Шыракбек.

– Вот как! Тогда и меня не зови Инжугуль, – она несколько жеманно рассмеялась. – Коркут-ата назвал меня Бану-Шешек. Знай это!

– Так ты, Бану-Шешек, из времен Коркут-ата?

– Верно, Батыр-джигит... На сегодня хватит и этого. Жди меня в полночь каждого полнолуния. Тебя ждет длинный рассказ...

– Постой! Мы полагаем, что ты погибла внезапно. Как это случилось?

– Узнаешь, когда придет время! Несчастье, постигшее меня, вот уже десять веков угнетает мой дух. Поведав тебе об этом, я смогу освободиться от давней тяжести. И ты найдешь ответ на многие вопросы, которые скопились в твоей душе. Ну а теперь прощай, Батыр-джигит...

Шторы на окнах с шорохом задвинулись, и опять послышались переливы нежного смеха, будто горсть жемчужин рассыпалась и покатилась по полу.

«Это сказала не я, Батыр-джигит. Знай, это сказали бусы», – послышался голос, угасая, издали.

Приподняв голову от подушки, Шыракбек спросонок заметил, что шторы на окнах уже задернуты, и решил, что их сдвинул ночной ветерок, задувавший в открытую форточку. Вспомнив недавний сон, он пробормотал: «Бану-Шешек». Каким-то чудом удержалось это слово в памяти... Дивное имя! Настоящее имя из средневековья. Шыракбек попытался вспомнить лицо девушки из сна, однако, сколько ни старался, не получилось. И только голос по-прежнему жил в сознании, да мелодичный смех звучал в ушах. Спокойное, безмятежное чувство охватило его. «Чего только не приснится», – подумал он, даже не осознавая, что все время повторяет имя «Бану-Шешек», будто боится забыть его...

После той ночи Шыракбек ощущал себя вдохновленным, казалось, обновилось всё его существо. У него словно крылья выросли, энергия ключом била. В таком состоянии он распланировал работу наперед.

К этому времени древний город был полностью раскопан. Оставалось подытожить результаты экспедиции и написать отчет. Руководство поторапливало. Шыракбек тщательно исследовал каждый найденный артефакт. Большую часть времени он проводил рядом с находками и останками Инжугуль. Члены экспедиции свои выводы и наблюдения подавали в письменном виде, и из них было ясно, что гипотез много, а реальных документов и несомненных утверждений мало.

Стремительно промчался месяц. Шыракбек успел подзабыть тот сон, и только имя девушки звучало в памяти. Бану-Шешек...

В полночь он вновь очнулся от тревожного покалывающего чувства. Лунный свет лился из окна на постель, а луна была круглая и особенно ясная. «Э-э, оказывается, сегодня полнолуние», – подумал он, поворачиваясь на другой бок. Волной поднялась сонная нега, в мыслях о Бану-Шешек он погрузился в дрему. И в полусне увидел, как с лунным светом, в многоцветных переливах и мерцании красок входит в спальную девушка. Сейчас он ясно различал ее розовощекое юное лицо. Все в том же состоянии он безотчетно подумал, что этой лунолицой красавице, вероятно, лет пятнадцать или шестнадцать.

– Батыр-джигит, ты ждал меня? – спросила Бану-Шешек своим милым манерным голоском, как бы ласться к нему.

Понимая, что все это происходит во сне, Шыракбек тем не менее прижал палец к губам – дескать, тише, – накинул на себя длинный халат и провел Бану-Шешек в свой кабинет. Посадив девушку в мягкое кресло, сам примостился на краю письменного стола.

– Ну, милая Бану-Шешек, расскажи, кто ты такая? Из какого рода-племени? Когда вы пришли в эти края и основали становище? Я хочу знать все!

– Не спеши, Батыр-джигит. Как мне ответить сразу на все вопросы? Кроме того, эти загадки можешь решить только ты, мырза. А я расскажу только о себе, поведаю свою печаль. Я же сказала в тот раз, что должна скинуть с себя груз тоски... Слушай...

ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ БАНУ-ШЕШЕК

Я была единственной дочерью своих родителей, желанное дитя, вымоленное у Бога. А воспитывали меня, как сына-первенца. Но откуда бы тебе это знать, Батыр-джигит?..

Возможно, это покажется непонятным, однако хан нашего племени завел один обычай. Раз в десять лет он созывал всех беков огузских племен и устраивал большой пир. В приготовлениях к пиру забивали самых упитанных верблюдов, лошадей, овец. По приказу хана в одном урочище ставили только белые юрты, в другом – только красные, а третьем – простые, серые. Всенародно был провозглашен указ: «Пусть в белых юртах разместятся те, у кого есть сыновья, в красных – те, у кого есть только дочери, а те, у кого нет ни сына, ни дочери, пусть войдут в серые юрты! Постелите под них черный, как сажа, войлок, поставьте перед ними блюда с мясом черной овцы! Люди, у которых нет ни сына, ни дочери, – проклятые Богом. Почему мы должны их привечать? Выполняйте все это в точности!»

Мой отец был одним из самых знатных беков. Когда он прибыл на этот пир в окружении своих людей, ханские слуги, выйдя навстречу, ввели его в простую серую юрту, постелили для него черный войлок, поставили перед ним блюдо с головой черного барана.

– Таков ханский указ, не вините нас, мырза, – твердили они, готовые в лепешку расшибиться от услужливости.

Тогда отец встал и сказал:

– Как нам понять такое указание хана-повелителя?! В чем моя вина? Или я меньше других пекся, защищая его народ и землю? Хан с почетом вводит в белые и красные юрты людей, что ниже меня по положению и заслуге! Как понять то, что меня посадили отдельно от них в простой серой юрте?!

Вот так спросил он, охваченный гневом. И ханский визирь ответил:

– Таков приказ хана: в белую юрту с почетом ввести того, у кого подрастают сыновья, в красную – у кого только дочери, в простую, серую, посадить тех, у кого нет ни сына, ни дочери. Никакой нашей вины в этом нет.

Так оправдывался визирь.

Возмущенный отец крикнул своим людям:

– Джигиты, вставайте! Я не могу вынести такого позора.

С этими словами он покинул пир. Поначалу в гневе он хотел буйным набегом разметать ханскую орду. Однако свита не дала сделать это – дескать, зря ляжем костями в этом братоубийстве.

Разъяренный, вернулся в свой стан, вызвал мою мать и едва не разрубил ее мечом. Почтенные старики с трудом успокоили его, приведя в чувство. И тогда в безмерном сокрушении он рассказал моей матери о страданиях, пережитых на ханском тое.

– О, моя возлюбленная, супруга моя! Я считал тебя своим счастьем, птицей неба, севшей на мое плечо. Не мог налюбоваться твоей красотой. Разве не окружил тебя богатством, роскошью, чтобы не считала себя обделенной? Знаешь ли ты, какое лихо пришлось пережить мне в этот несчастливый день? Указав на мою бездетность, меня опозорили перед всем народом. Почему же ты обделила меня обычным человеческим счастьем? Кто в этом виноват, я или ты? Немедленно дай ответ, или здесь же разрублю тебя этим мечом! – И он шагнул к ней.

Обычно кроткая и спокойная мать отвечала:

– Да, повелитель, если ты решил убить меня, тебя никто не остановит. Вот моя голова, вот моя душа, если нужно – бери. Однако не позволяй гневу овладеть собой, ибо он ведет к бездне, а разум – твой друг. Призывай же разум, мой герой. Отчего ты так омрачен? Ведь Аллах щедр и изобилен, если он пожелает, то даст нам дитя. Быть может, мы еще не просили, как следует? Подними голову. Не падай духом и не оглядывайся на других. Как только народ откочует на джайлау, поставь побольше шатров, вели забить из крупного скота одногорбого верблюда, коня, из мелкого – баранов, устрой большой той. Пригласи на той лучших людей из внутренних огузов и внешних огузов, окажи им почет и уважение. Никого не обижай, ничем не обделяй, одинаково привечай всех беков. Накорми голодного в тот день, дай одежду нуждающимся, заплати за того, кто погряз в долгах. Твоего состояния хватит на всё это. Ничего не жалея для гостей. Люди вознесут хвалы и благодарность тебе. Милость Аллаха дождем прольется на тебя. Пусть мясо забитого скота горой возвышается на блюдах, пусть белый жир ручьями стекает

с него. Устрой великий той, чтобы кумыс наполнился озером, чтобы пьющий был пьян, евший – донельзя сытым, и большинство людей блаженствовало в удовольствии. И на этом пиру попроси у гостей благословения. Чье-то из множества людей пожелание станет угодно Небу.

Отец прислушался к совету матери. Намереваясь устроить большой пир, он излил горе и печаль своим сородичам. Из лошадей забили яловых кобыл с налитыми загривками, из верблюдов – улеков с пудовыми горбами, из овец – баранов с тяжелыми курдюками. Пригласили видных беков из внутренних огузов и внешних огузов. И был устроен великий пир. На том тое были накормлены голодные, одарены одеждой нуждающиеся, выплачены долги тех, кто погряз в долгах. Скота было забито безмерно, мясо не вмещалось в казанах. Кумыс наполнился и пенился озером. Народ, довольный угощением и подарками, от всей души давал свое благословение. Среди них были люди с ангельской душой, их чистые пожелания были услышаны Небом... Прошло не так много времени, и мать забеременела.

По словам моей матери, Аккыз, отец мой, Хатымтай, перед этим увидел вещий сон. Во сне к нему приблизился старец с белой бородой до самого пояса: «Сын тебе нужен или дочь?» – оказывается, спросил он. Бедный отец мой, измученный горечью бездетности, видать, в эту минуту сильно растерялся. «Сын или дочь, не все ли равно, было бы хорошо, если бы дал из праведных душ. Только избавь меня от одиночества бездетного человека, ата», – с этими словами он залился горькими слезами. «Хватит, довольно, умиротворись! Будет у тебя славная дочь, ничем не уступающая сыну. И дом твой наполнится счастливым смехом ребенка. Дам тебе первенца с высокой звездой счастья. Все, что будет дальше, в руках судьбы и в воле Бога», – с этими словами старец исчез.

Вот так по упованию множества, по воле Всевышнего на свет явилась я – первенец своих родителей. На празднике моего рождения, говорят, присутствовал Коркут-ата, он дал мне имя и, играя на кобызе, исполнил эпос.

Отец, не обращая внимания на то, что я девочка, воспитывал меня, как сына. Как только села на коня, он больше не отпускал меня от себя. Брал с собой и на охоту, и на конные состязания. Приучал и к военным навыкам, вовлекая в состязания мальчишек-сверстников. Он обучал меня всему тому, что должен знать джигит-воин.

В беспокойное наше время сражения случались часто. Большие и малые битвы нередко устраивались из-за земли и воды. Для защиты родового становища каждая семья должна была выставлять одного воина. Отец уже вступил в пожилой возраст, потому, взяв в руки дубинку и получив разрешение родителей, в дело отправлялась я. Мать, конечно, переживала. А отец мне не отказывал. Он хотел, чтобы я закалилась, отточила характер в боях.

Кто знает, какие еще у него были мысли? Я ощущала себя девушкой только дома, рядом с матерью. Но стоило перешагнуть порог дома и оказаться на воле, как я преображалась в азартного джигита.

Батыр-джигит, возможно, это тебе покажется смешным, но я была такой. К чему скрывать это? Поскольку я пришла, чтобы открыть то, что на душе, я должна говорить только правду. Главное, чтобы у тебя хватило терпения выслушать меня. Если неинтересно, можешь пропустить мимо ушей. Я ни в чем не стану винить тебя...

Одно было дивно: Шыракбек, казалось, только слышал ее голос. Но все, что она рассказывала, видел во сне... Он не помнил, когда закончился рассказ, как ушла Бану-Шешек. Очнувшись, понял, что все это время спал, сидя в кресле.

К нему подошла Акмарал:

– Бек, когда ты успел встать? Почему ты здесь сидишь? Идем в постель, поспи еще немного, ведь еще рано, – и увела в спальню.

Жена давно звала его Беком. В молодости, посчитав полное имя Шыракбек чересчур казахбайским, укоротила его на городской манер. Бек, Бегим, Бека – окликала, кокетливо ластясь, и такая шаловливая манера очень шла ей. Шыракбеку это нравилось. Впоследствии он привык и к тому, что она порой называла его полным именем. И то, что она сегодня по-особенному нежно льнет к нему, ему очень по душе. Однако, ничем выказав этого, он привел себя в порядок и отправился на работу, чтобы там, в спокойствии, хорошенько обдумать сон про Бану-Шешек.

Придя в лабораторию, он удобно устроился на рабочем месте. «Ну хорошо, и какой же вывод ты сделал из рассказа Бану-Шешек?» – спросил он сам себя. Если поразмыслить, эти места были исконным аймаком огузских племен. Рассказ Бану-Шешек подтверждает это. Но когда они перекочевали сюда? Чем преимущественно занимались? На эти и другие вопросы, волнующие душу, пока ответа нет. И где их искать? Встав с места, он принялся ходить туда-сюда по маленькому кабинету и невольно остановил взгляд на слепке головы Инжугуль. Ему почудилось, что лик девушки приветливо улыбается. Он потер глаза потом опять и опять глянул на слепок – он по-прежнему как будто улыбался ему. Не выдержав, Шыракбек выбежал из кабинета наружу. Сердце гулко колотилось. Вошел в небольшой сад возле университета, сел на скамейку, глубоко вздохнул, успокаивая сердцебиение. «Что это со мной, что мне привиделось? Это же вещи, которые я вижу каждый день, к которым давно привык? Разве слепок может улыбаться?! Мне просто показалось. Спокойствие, спокойствие», – бормотал он, приходя в себя. «Как бы ты ни метался, сейчас, кроме Бану-Шешек, никто не сможет помочь тебе. Моли о том, чтобы она чаще являлась тебе во сне. Подумай хорошенько и заготовь вопросы, которые хочешь задать ей», – советовал ему внутренний голос. Прямо как в поговорке: «Утопающий хватается за соломинку»! А разве есть другая возможность? Ему пришлось признать свое бессилие.

Шыракбек принялся расхаживать по маленькому палисаднику, а когда ноги устали, вернулся в лабораторию. Уселся в кресло с высокой спинкой и, положив вытянутые ноги на стул, стоявший напротив, настроился немного отдохнуть.

Надо было собраться с мыслями. Кирпичи, осколки керамики, найденные на территории древнего города, камни, вынутые из стен крепости, были отправлены в исследовательские центры крупных городов для определения состава, качества и века изготовления. Он с нетерпением ждал результатов экспертизы. С их получением станет ясно, на каком уровне было производство, что умели жители города, насколько было освоено ими искусство строительства, какие вещи представляют особую культурную ценность. Все эти материалы нужны для отчета о работе экспедиции, который готовится для отправки руководству. Каждая вещь найдет четкое определение. А как используешь в отчете увиденный во сне рассказ Бану-Шешек? Или просто сообщить о найденных бусах? Этого недостаточно...

Когда результаты анализа окажутся в его руках, он сможет приложить их копии к отчету...

Тело расслабилось, и он погрузился в чуткую полудрему. Это была его давняя привычка: когда он сильно уставал, достаточно было вздремнуть несколько минут, и силы возвращались. После короткого отдыха он, подобно дикому коню, ощущал токи неумных сил в теле. Так и теперь его веки сомкнулись, и он мгновенно погрузился в сон.

Дверь была заперта изнутри, но вдруг, беззвучно открыв створ двери, сияя, словно полная луна, в комнату вошла Бану-Шешек. Вспокоенный, он хотел вскочить, предложить ей место, однако она надавила на плечо, не давая встать. Единственное, что сделал Шыракбек, это подобрал ноги, вытянутые до соседнего стула. Бану-Шешек присела на край этого стула.

РАССКАЗ БАНУ-ШЕШЕК

– Отдохни, Батыр-джигит! Знаю, не в состоянии ты освободиться от гнета мыслей, словно опутан ими по рукам и ногам. Ты сейчас в сильном замешательстве, поэтому не получается привести в порядок все, что находится в руках. Не переживай. Со временем все встанет на свои места...

Тебе не дает покоя вопрос, как назывался город, найденный тобой. Ты решил, что это неизвестный город, но, поверь, эта загадка легкая. Ищи ответ в следах, оставленных эпохой прапредка – Огуза. Найди их и используй. И тогда ты сможешь без труда убедить и себя, и всех.

По преданиям нашего времени, у Огуз-кагана было шесть сыновей. Их звали Ай, Кун, Жулдыз, Кок, Тау, Тениз. Как-то летом, выехав на охоту на джайлау, они нашли три золотых лука и три золотых стрелы. Принесли находку отцу и попросили: «Как нам их разделить, посоветуй». И тогда отец отдал три золотых лука старшим сыновьям и сказал: «Пусть потомки сыновей, взявших золотые луки, назовутся словом Бозок, и пусть правое крыло каганата принадлежит им». Три золотых стрелы каган дал младшим сыновьям и повелел, чтобы их потомки назывались словом Ушок, а левое крыло государства наследовалось ими. В некоторых легендах говорится, что Бозоку было отдано восточное крыло ханства, а Ушоку – западное крыло. Как бы то ни было, мудрый предок разделил свое наследие справедливо.

Таким образом, в союз Бозок вошли предки Ай, Кун, Жулдыз, а также их потомки и племена, относящиеся к ним. В Ушок же вошли предки Кок, Тау, Тениз, их потомки и племена, принадлежащие им.

Мой отец с подчиненными ему племенами входил в состав союза Бозок, очень гордился этим и находил в этом духовное удовлетворение. Будучи потомком старшей линии, он имел право на это.

Речная долина Сырдары – древняя обетованная земля потомков Огуз-кагана. Народы, проживавшие здесь, назывались внутренними огузами. Второе ответвление огузов, живших в Жидели-Байсын, в речной долине Амударьи, звалось внешними огузами. На этих древних территориях огузы и кипчаки существовали по соседству мирно и привольно до монгольской эпохи. Они свободно расселялись по берегам обеих великих рек, выпасая скот на бескрайних пастбищах. В преданиях сохранилась память о тех благословенных, райских временах, когда, как говорят, жаворонки вили гнезда на спинах баранов.

Если считать по вашему летоисчислению, в XI–XII веках, не выдержав натиска монголов и доведенные до крайности налоговым гнетом сельджуков, племена огузов начали искать новые земли, просторную территорию для вольного расселения. Конечно, это не значит, что весь народ разом откочевал. Каждое племя приходило в движение в свое время и в своем направлении. Кто находил подходящие территории, сообщал оставшимся на старых землях. Затем ждали их прибытия, чтобы кочевать дальше совместно.

Племена, подчиненные моему отцу, двигаясь в поисках лучшей земли, остановились на время здесь. Надо полагать, чтобы собраться с силами. Но кто знал, что им была суждена именно эта земля, что они навечно упокоятся в ней? Откуда было им это знать?!

Когда-то мне пришлось горько сокрушаться из-за того, что причиной их остановки здесь и строительства города, который ты и раскапываешь, стала я. Рок, связанный со мной. Однако кайся не кайся, что толку от этого... Всё происходит по воле Всевышнего. Не раз я задумывалась о том, почему отец в своем сне, предвещающем мое рождение, не попросил у святого Кызыра: «Сына ли ты даешь, либо дочь, дай потомка с долгими годами». Думала и сожалела...

– Бану-Шешек, скажи, в чем же твоя вина, отчего ты так сокрушалась? – спросил Шыракбек и проснулся от своего голоса.

Посмотрел в окно – солнце уже перевалило зенит. Он быстро встал, собрал бумаги и вышел наружу. По пути домой Шыракбек вспоминал сон, чувствуя особую признательность: Бану-Шешек сегодня многое рассказала. Он решил записать услышанное и сравнить с уже собранной информацией.

Долго он сидел в раздумьях за рабочим столом. Обычно у него больше времени уходило на чтение, нежели на написание текста. Сравнительный анализ фрагментов из разных книг и приведение их в единую систему потребовали большого труда. И все равно не удавалось связать концы с концами. Все еще чего-то не хватало. Где искать недостающее звено? Но разве Бану-Шешек не сказала ему, чтобы искал в самой истории огузов? Он принялся снова листать книги, однако не смог найти надежный материал, который дал бы ему верную путеводную нить. Или он не напал на нужный след? Все рассыпалось в его руках и становилось бесформенной и бесполезной грудой информации...

За ужином он попросил Акмарал постелить ему в кабинете, дескать, будет трудиться допоздна. Жена молча кивнула.

Стол в кабинете стоял перед самым окном. Шыракбек отодвинул штору и долго смотрел в сгущающиеся сумерки. Он собирался закончить отчет, который нужно было отправить руководству, однако никак не мог собраться с мыслями. Его стала одолевать дрема. Эх, бывает же, что сон приходит так не вовремя!.. Но только он заснул, как услышал голос, заставивший его вздрогнуть: «Подумай еще, Батыр-джигит! Ты уже близок к цели».

Шыракбек оглянулся и увидел Бану-Шешек, которая, казалось, сидела совсем рядом.

– Ты когда успела прийти? – спросил растерянный Шыракбек, не зная, что ему говорить и как поступать. Он еще не отдавал себе отчета в том, что уснул и видит сон.

– После вчерашней ночи я была рядом с тобой. Но ты не можешь видеть меня наяву. Я же призрачное существо. Ты можешь видеть меня только во сне.

– Это что, такое условие?

– Нет, не условие. Мертвые и живые могут говорить друг с другом только во сне. С тех пор как ты выкопал мои останки, я брожу по твоей лаборатории. Глядя на вещи, которые когда-то держала в руках, на бусы, которые носила, только удивляюсь... А порой ощущаю себя так, будто вернулась в годы прежней жизни. Как же мне они дороги!.. Я пришла, чтобы ответить на твои вопросы... Рассказать о причине моей глубокой печали, горечи, отравляющей мою душу в течение десяти веков... Я нисколько не сожалею о том, что жизнь моя была кратка. Чтобы спасти дорогого мне человека, кого любила всей душой, всем существом, я увела преследователей по обманным следам. Думая, что это Кан-Торе на коне Акмоншак – Белом Жемчуге, они пустились в погоню по моим следам. А Кан-Торе в это время на моем Суржебе – Серой Стреле скрылся, перевалив через увал...

– Бану-Шешек, я не понимаю сути твоего рассказа! Или из него выпало какое-то звено? Кто перевалил через увал? Кто пустился в бегство? Кто преследовал? Если ты хочешь, чтобы я все понял, расскажи связно, дорогая. Мы считаем, что ты погибла совсем в юном возрасте. Это правда?

Шыракбек очнулся от звуков собственного голоса. Бану-Шешек тотчас исчезла. Досадуя, что сон оборвался, Шыракбек потушил свет и улегся в постель. Думая о том, когда же теперь Бану-Шешек войдет в его сон, он не заметил, как уснул. Но Бану-Шешек в его сон не вернулась.

Она вернулась в лабораторию Шыракбека.

НЕИСПОВЕДИМЫЕ ТАЙНЫ БАНУ-ШЕШЕК

В лаборатории Бану-Шешек устроилась на место Шыракбека и долго обдумывала сокровенные тайны, которыми ни с кем не могла поделиться долгие десять веков. Как открыть их Батыру-джигиту? В полном одиночестве она хотела еще раз попытаться понять, где совершила ошибку. Она вспомнила последний вопрос Батыра-джигита: «Мы считаем, что ты погибла в совсем юном возрасте... Скажи, в чем же твоя вина, отчего ты так сокрушалась?» Эх, если бы Бану-Шешек это знала!..

Их догадки верны. Но ей сейчас не справиться с тяжелым узлом, который не могла развязать за века скорби. Сегодня она хотела взвесить все на весах пронизательной мысли. А ведь почти перестала думать об этом... Как бы то ни было, теперь, когда она видела перед собой вещи – свидетелей ее жизни, многое стало вспоминаться яснее...

«Да, – думала она печально, вспоминая события прошлого. – Хотя отец воспитывал меня, как сына, истинная природа брала свое, и я мало-помалу стала превращаться в цветущую статную девушку. Когда народ, покинув прежние земли, остановился здесь, отец передал отставшим племенам, что все должны собраться в этом аймаке. Родичи постепенно скапливались в этих краях. Я считала правильным решение отца временно обосноваться здесь, чтобы собрать всех сородичей... Оказывается, ошибалась... С прибытием все новых и новых кочевий, стало больше и сватов, которые осаждали отцовскую ставку. Те люди, которые в свое время унижали отца, дескать, бездетный, теперь приводили своих недоумков-недорослей, ставили кругом свои шатры, стерегли каждый мой шаг.

старались улучшить момент, чтобы переговорить со мной наедине. Это, конечно, задевало меня. Я никак не могла забыть о том унижении, которому, по слухам, они подвергли некогда моего отца.

Ни один из женихов мне не нравился. Один паршивый, чесоточный, другой – коротышка, недоросток, третий – пухляк с одышкой, еще один – твердолобый упрямец, пятый – с жирным кабаньим загривком. И все, как один, были чванливыми гордецами, ни во что не ставящими других людей. И они хотели, чтобы я досталась кому-нибудь из них! “Ишь, чего захотели!” – усмехалась я. Мать просила меня: “Выйди из дому, хотя бы покажись им на глаза! Что тебе стоит?” Больше всего меня возмущало именно это. Я послала к отцу мою кормилицу, которая с рождения смотрела за мной, была моей советчицей: “Если отец, прежде чем откочевать в далекие края, хочет выдать меня замуж на этой земле, я не против. Только жениха я хочу выбрать сама. Я хочу выйти замуж за искусного, мудрого, благородного джигита, чей ум опережает мой. Пусть отец даст свое согласие на это”.

Как откажет отец просьбе единственной дочери? Конечно, он дал согласие. А я взяла с собой подружек, выехала из селения на окраину, повелела поставить там шатер. В этот шатер и приглашала джигитов, которые приезжали посмотреть на меня, и там устраивала для них испытания. Но закрывала лицо, никому из них не показывала себя.

Кого-то я проверяла на точность в стрельбе из лука, кого-то на физическую силу, других – на сноровку, на находчивость и разные полезные умения. И не нашлось ни одного, кто прошел бы испытания мои или подготовленные моими подругами. Сообщая каждый раз отцу об этом, я просила претендентов разобрать свои шатры и покинуть стан.

Не теряющие надежду джигиты уезжали не сразу. Однако в моей душа столько было отвращения, вызванного видом и поступками неудавшихся женихов, что я перестала выезжать из укрепления. На окраину селения посылала только подружек, чтобы выведать, не появился ли там кто новый.

Как-то однажды подружки сообщили мне:

– Приехал один джигит, ставит шатер. Внешность у него на зависть многим: плечистый, широкогрудый, статный.

– Однако рядом с ним нет шумной свиты нукеров, всего-то только двое ли трое дружков.

– И он ещё приехал сватать девушку вот так – словно безлошадный и безродный бродяга! – смеясь, осуждали девушки, видевшие его.

– Ну и что, мы тоже хотим посмотреть на джигита, явившегося на смотрины девушки, – с этими словами, взяв с собой подружек, я выехала на конную прогулку по окраине селения. Свой шатер не стала ставить.

Подъехала к шатру джигита и спросила:

– Есть кто-нибудь?

Из шатра выбежал проворный малый и вцепился в чембур моего коня:

– Мы дома. Мой повелитель у себя, прошу вас сойти с коня.

– Если твой господин не выйдет, мы с коней не сойдем. Мы божьи гости, явившиеся посмотреть на джигита, который приехал на смотрины девушки, – сказала находчивая Сакыш.

Из шатра вышел рослый, стройный, красивый джигит.

– Добро пожаловать, дорогие, – сияя белозубой улыбкой, отдал он салем .

В глазах его лучилось тепло, и смотрел он очень приветливо, дружелюбно. Голос у него был уверенный, смех открытый, радушный. Словно замороженные его ласковым взглядом, одна за другой мы спрыгнули с коней. Он провел нас в шатер. Джигиты посадили нас на торь, а сами принялись накрывать дастархан.

– Просим простить нас, мы же путники, – с этими словами они предложили нам вкусить из нехитрой снеди, что была поставлена на дастархан.

– Кто вы такие?

– Куда направляетесь?

– Почему остановились здесь? – начали засыпать их вопросами наши девушки.

Рослый джигит усмехнулся и уклончиво сказал:

– Если молодому джигиту всю дорогу приходится заглядывать в каждый встречный аул, то, наверное, что-то есть у него на душе, заставляющее искать и искать.

– Скажите-ка!

– А вы сами, девушки, кто такие, что проверяете тех, кто проезжает или останавливается на окраине вашего аула?

– Эта девушка, закрывшая лицо, – красавица Бану-Шешек, наша госпожа, любимица и единственная дочь нашего бека. Мырза, мы приехали, чтобы разузнать, кто это поставил шатер на окраине нашего аула и лежит себе полеживает без всякой весточки, – учтиво ответила красавица Айгыз.

– Так Бану-Шешек – это вы? Слыша слова не прошедших проверки обиженных джигитов из огузских племен, я подумывал, что нет девушки более строптивой, чем вы. Оказывается, это не так! Вы сами пришли, чтобы познакомиться со мной...

– Да, это так. Первая ваша мысль верна. Придерживайтесь этого мнения...

Джигит снова усмехнулся:

– Хочу, чтобы вы испытали и меня. Выясню, есть ли у меня звезда счастья, – сказал он вежливо.

– Попытаете счастья или выберете испытание силой? Воля ваша.

– Астагфиrolла! Я еще ни разу не боролся с девушкой, чтобы испытать свою силу!

– Что ж, это довольно интересно.

– Выдвигайте ваши условия, Бану-Шешек-бегим. Сделаю все, что в моих силах, чтобы пройти испытание. Не пройду – значит, вина на мне. Останется пеня на свою невезучесть, – сказал он.

Он произнес это таким печальным, таким горьким тоном, что у меня сердце защемило.

Мне в голову сразу и не пришло, какое условие надо поставить перед этим джигитом. Хотела проверить, насколько он меток, как стрелок, однако на блюде перед нами лежала подстреленная дичь. Подумала было испытать его на силу, однако из претендентов на мою руку не осталось поблизости ни одного соперника для него.

Чтобы не выдать свое замешательство, спросила:

– В чем же вы искусны?

Девушки с обеих сторон начали нашептывать мне на ухо, чтобы я подвергла его какому-то испытанию потруднее. Им нужна была только потеха.

Джигит глубоко вздохнул и протянул вперед руки.

– Если вы назовете это искусством, я мастер, – сказал он спокойно. – Благодаря этим рукам я живу.

– И что вы мастерите? Ожерелья, кольца, шолпы? – девушки со всех сторон наперебой засыпали его вопросами.

Джигит снова усмехнулся:

– Нет, ненаглядные. Я не мастер ювелирных дел, я строю жилища. Работаю молотком, топором, кайлой. Поднаторел и обращаюсь с ними, как с игрушками, – объяснил он мягко.

В его голосе не было ни горделивости, ни самодовольства. Он сказал это безучастно и смолк.

– Какое-то непонятное искусство, – сказали девушки.

Однако я уже успела понять, что это джигит с характером, знающий себе цену, и решила испытать его в разных трудных условиях, чтобы проверить, насколько он терпелив и вынослив.

– Если вы не против, мы уйдем сейчас и подумаем на досуге, какую проверку устроить вам, – сказала я.

– Мы покорны вашей воле. Будем молить Бога, чтобы не обрушивал чересчур суровое испытание на нашу бедную голову, просить о снисхождении и милосердии, – сказал он, показывая, что за словом в карман не лезет.

Я невольно улыбнулась. И почувствовала, что он это заметил даже через мой покров. Глянув еще раз на его сочувственное лицо и внимательные ласковые глаза, я вышла из шатра с ощущением, что уношу с собой этот нежный взгляд. Его глаза не оставляли меня, будто все время наблюдали со стороны... Святая правда – слова людей о том, что глаза не обманывают. Я поняла это теперь – по глазам джигита, в которых светилась его чистая душа... Казалось, я заморожена: не успела покинуть шатер, как поняла, что снова хочу видеть джигита. Хочу опять встретиться с ним, снова увидеть его глаза.

Чтобы не выказать подружкам своего волнения, стала отвлекать их словами:

– Ну, подружки, какое задание хотите дать ему?

– А почему мы не спросили его имя? – сказала одна.

– Если он не годится в мужья, к чему нам его имя? – ответила ей другая.

– Пусть мычит, как теленок!

– Пусть лает, как собака!

– Пусть блеет, как козленок!

– Пусть мяукает, как кошка! – перешучиваясь в таком духе, девушки изрядно повеселились.

– Хватит, хватит, расшалились совсем! Может быть, он в своем племени почитаемый мырза? И разве виноват он в том, что ищет себе подходящую девушку? Лучше подскажите, какое дать ему задание с трудным решением, – сказала я. – До завтра сами подумайте или у родителей совета попросите.

Я отпустила девушек домой. Сегодня несколько не хотелось тратить времени на забавы, шутки-прибаутки и болтовню с подружками. Порой мы засиживались до полуночи, со смехом обсуждая несчастных джигитов, претендентов на мою руку, с треском проваливших задания. Но сегодня мне хотелось остаться наедине с собой.

Нужно было хорошенько подумать над вопросом, правильно ли я поступаю. Долго я сидела в раздумьях. И решила пойти завтра и расспросить, кто он такой, откуда приехал. Нет, у меня не было никакого беспокойства по поводу его внешнего облика, поведения, слов. И все же душа человека – потемки. Неизвестно, что скрывается там на самом деле. “А если попросить его исполнить песню перед девушками, сыграть на домбре?” – подумала я. Но поняла, что не хочу подвергать его суду моих подружек. По-настоящему я хотела только побеседовать с ним наедине. “Что это? – думала я. – Почему мое сердце так расположилось к нему?.. Надо скорее всё выяснить. Иначе не быть мне Бану-Шешек...” – наконец приняла я решение.

ВСТРЕЧА В СОСНОВОМ БОРУ

Утром ко мне приехали подружки, у каждой было заготовлено по загадке. Но ни одно из заданий не понравилось мне. Все казались несодержательными, легкомысленными.

– Ищите другие загадки, а я сегодня попробую испытать его в конных состязаниях, – сказала я девушкам.

– Правильно! – зашумели они.

– Ну, тогда я вас буду ждать у подножья Тайтобе. Пусть кто-нибудь из вас отправится к джигиту и попросит у него суйнши за весть, что Бану-Шешек приглашает его на конные состязания, – сказала я.

Пока девушки собирались, хлопотали, я заехала на вершину Тайтобе, чтобы понаблюдать за окрестностями оттуда. Еще издали увидела джигита, скачущего на крупном коне с белыми крапинками. Съехала вниз, встретила его.

– Безмерно рада, что вы приняли мое приглашение. Да благословит вас Бог! Добро пожаловать, торе-джигит!

Он с удивлением взглянул на меня:

– Откуда вы знаете, что меня зовут Торе ?

Я оказалась в замешательстве.

– Видимо, это слово подсказал мне сам Бог, – ответила смущенно.

– Поскольку вчера вы не поинтересовались, я не назвал своего имени.

– А сегодня можно узнать ваше имя?

– Почему же нельзя?! Вы нисколько не ошиблись. Мое имя Кан-Торе, – произнес он учтиво. – Я из племени кипчаков.

– Очень хорошо! Предводителю джигитов к лицу такое имя. Кем бы он ни был, кто-то очень точно вас назвал! – сказала я от души.

Ему стало неловко.

– Вы слишком хвалите меня, – отозвался он, замявшись.

Смущение Кан-Торе только подзадорило меня. Словно сам шайтан подзуживал: не в силах бороться с подступающим весельем, я полушутя, полусерьезно сказала:

– Не верьте моей похвале!

– Эх, а я уже поверил было! – и он от всего сердца рассмеялся.

Этот искренний смех мне понравился.

– Ну, если вы закончили нарочито хвалить меня, не попробоват ли нам коней в состязании? – сказал он, успокаиваясь, и его слова заставили смеяться меня.

– Вы же эти земли хорошо знаете, установите границы скачки? – спросил он в конце концов.

– Обогнем вон те сосны и вернемся сюда. Здесь и встретимся.

“Чу! Чу!” – с этими криками мы пустили коней вскачь.

Я заметила, что джигит не особенно погонял коня, лишь для виду помахивая камчой. Я тоже придерживала скакуна, натягивая поводья, чтобы дать Кан-Торе возможность обогнать меня. И он это понял безошибочно. Вот так, делая вид будто соревнуемся что есть силы, голова к голове, почти вровень, мы достигли сосен и начали огибать лесок.

Девушки остались где-то далеко позади. Отсюда их не было видно. Мы оказались одни. Не зная, о чем говорить с джигитом, как вести себя, я пришла в смятение. Проклятое сердце билось так, словно хотело вырваться из груди. Полагала ли я, что всё так будет?!

Кан-Торе подъехал ко мне вплотную, взял поводья моего коня и остановил его.

– Бану-Шешек-бегим, скажите по правде, вы пригласили меня не для скачки, а для разговора по душам, чтобы мы поняли друг друга. Не так ли? Если так, куда нам спешить? Что, если мы сойдем с коней и потолкуем наедине? Мне тоже хочется лучше понять вас.

– Почему же я должна говорить по правде? – рассмеялась я.

– Ваши шутки мне очень нравятся, – сказал он.

Словно бес вмешался, опять дернул меня за язык:

– А я сама? Я сама разве не понравилась вам?

Добродушно смеясь, он сразу ответил:

– Что я могу сказать, если вы до сих пор не показали ваше лицо?!

Джигит начал свистеть, выводя какую-то мелодию.

– Почему вы свистите здесь, на безлюдье?

– Я вызываю ветер...

– Зачем вам ветер? Или вы хотите провеять здесь зерно? – шутливо задела я его.

– Очень надеюсь, что ветер сорвет с вашего лица покрывало.

– Ну, тогда пусть ветер исполнит ваше желание! – снова весело рассмеялась я.

Однако в этот день обычно порывистый, неугомонный ветер Арки куда-то пропал, воздух был тих и скучен.

Мы шли пешком, ведя коней на поводу. Рядом с Кан-Торе мне было необыкновенно легко и свободно. Всей душой и телом я чувствовала, что этот джигит ничего плохого мне не сделает.

Джигит крепко привязал коней к крайней сосне и пригласил меня присесть на ствол упавшего дерева. Когда я села, он подошел и присел рядом.

– Ваш конь прекрасен! Когда скачет, кажется, что переливаются бегущие бусы, – сказала я, посчитав, что молчать неуместно.

– Вы, наверное, ясновидящая! Действительно, его зовут Акмоншак, – удивился он.

– Вот интересно! Я так сказала, потому что он весь в белых пятнах, очень похожих на бусы.

– Акмоншак – все, что у меня есть, и честь моя, и сила моя. Попутчик мой и крылья мои. Я делюсь с ним душевными тайнами и печалью. Он для меня

словно брат, близкий друг. То, что доверил ему, никто другой не узнает. С ним облегчаю сердце от душевной тоски... Он родился в год, когда я впервые вышел на выпас коней. Мать его подохла, и он остался сиротой. Я кормил его молоком из торсыка, водил к дойным кобылам, чтобы сосал понемногу. И даже носил его на руках, таким он был слабым, нежным. Табунщики говорили, что жеребенок слаб, потому что не выкормлен своей матерью. Чтобы он набрался сил, я брал молоко у дойщиков кобыл торсыками и давал ему сосать. Летом он начал пощипывать траву, но все равно, завидев торсык с молоком, мчался к нему, поднимая хвост. Он был капризным, шаловливым жеребенком, привязанным к людям... С тех пор прошло несколько лет, и сегодня он зрелый конь – пятилетка.

– А вы остались при табунах? – спросила я осторожно, боясь ненароком задеть за живое: кто знает – еще обидится. А мне отнюдь не хотелось уязвлять его гордость.

– Нет. Клан, где я жил и работал, был очень богатым. Пастбища оказались тесными для его скота, поэтому клан ушел с первыми кочевьями. Хозяева, уходя, оставили мне Акмоншака и немало другого скота – мол, это плата за труд. Звали и меня с собой. Я же думал так: они уходят, потому что надеются на свой скот, богатство. А на что надеяться мне? Поэтому счел более верным остаться на родной земле. Сейчас я занимаюсь другим делом.

– Да, кстати, вы говорили, что строите дома.

– Да, есть такое занятие.

– Ну, тогда почему бы вам не построить мне укрепление?

– Если это серьезная просьба, построю за одно лето.

– Что нужно в качестве платы?

– Если вы приоткроете вуаль и покажете лицо хотя бы раз, этого будет достаточно.

– Нет, нельзя! Сначала вам нужно успешно пройти испытание. Когда отец даст свое согласие, я выйду на окраину и выстрелю из лука. Куда упадет стрела, там отец поставит юрту-отау для меня. И как только перешагнете порог юрты-отау, своими руками снимете с меня вуаль. Таково условие. До этого нельзя.

– Почему же нельзя?

– Это не так интересно.

– А если вы окажетесь курносой или косоглазой, что мне делать тогда?

– Кстати, моя внешность не имеет изъяна! Вы должны поверить моим словам.

– Как бы это не оказалось самым трудным испытанием для меня! Что же мне делать?

– Если вы не верите моим словам, подозревая, что моя внешность не безупречна, можете уехать, не приступая к испытаниям. Дорога назад всегда открыта.

Я встала и подошла к коням. Акмоншак нервнo всхрипнул, оглядываясь в поисках хозяина. Мне было не по себе: лучше бы расстаться мирно, без ссоры, найдя общий язык. И я начала придумывать повод для нового разговора.

Глядя Акмоншака по гриве, обратилась как бы к коню:

– И все же, какой человек твой хозяин?

– Акмоншак все равно ничего плохого не скажет обо мне, – сказал джигит, подходя, и в его голосе никакого напряжения не было, звучал он по-прежнему радушно и открыто.

Вынув из кармана крупный леденец, я протянула его на ладони Акмоншаку. Привыкший брать корм из рук человека, жеребец взял мягкими губами леденец и с хрустом принялся разгрызать его.

Я с интересом наблюдала за ним.

– Видать, вы хотите подружиться с Акмоншаком, чтобы потом выведать у него все мои тайны. Ну и хитрыми же бывают девушки! – сказал Кан-Торе, давая понять, что настроен миролюбиво.

– Именно так. Стою и думаю, что нужно сблизиться с кем-нибудь из вашего окружения.

– Не лучше ли подружиться прежде всего со мной?

– А если вы испугались, дескать, увижу изъян в ее внешности, – что мне делать тогда?

– Апырай! Если вы зацепитесь за какое-нибудь слово, не отступите! Чем спорить, не лучше ли открыть вуаль. Пусть на этом спор закончится.

Не ответив на эти слова, я повернулась к своему коню, неловко шагнула, – и в это время ветка сосны зацепила вуаль и стянула ее. Я помедлила, не торопясь поднимать, потом взяла покрывало с земли, скомкала и положила в карман. А сама будто насупилась, как обиженный ребенок.

Торе-джигит взглянул на меня, затем быстро прикрыл глаза ладонями.

– Милая, ты же еще совсем юная! Как же ты не побоялась пригласить в укромное место такого дерзкого наглеца, как я?

– Я вызвала вас на состязание! Вы же увидели мое лицо, к чему теперь закрывать глаза?

– Нельзя ли было провести испытание в поселении?

– Нет, хочу испытать вас именно здесь, – сказала я.

Он мгновенно понял, что я обижена.

– И надо же такому случиться, что ветка стала причиной скорого решения твоей загадки. Скажи, мой Акмоншак, что мне делать с этой веткой? Не сломать ли ее? – изобразил он огорчение.

– Зачем ее ломать? Она же выполнила ваше желание? Напротив, поблагодарите ее, – сказала я. – Наверное, теперь убедились, что моя внешность безупречна...

Обида рассеялась, и я уже не чувствовала раздражения.

Он опустил руки и виновато, словно прося прощения, искоса бросил на меня ласковый взгляд.

Он только теперь будто до конца осознал неуместность своей настойчивой просьбы.

– Откуда было мне знать, что ты обидишься?! Кажется, я ударил лицом в грязь и не прошел испытания. Я должен был с самого начала понять, что это одно из условий проверки. Эх, жаль, что слишком поздно понял это. Если бы я знал, что прохожу проверку на терпение и выдержку! Ох, и трудный же характер у вас, девушек! – в его голосе ощущалось искреннее сожаление.

Мне опять стало смешно.

– Вы сейчас сказали, что у нас, девушек, трудный характер? Или я ослышалась?

– Нет, не ослышалась. Я хотел сказать, что девушки, желая заморочить голову джигитам, прибегают ко всяким уловкам, хитростям.

– Похоже, вы очень осведомлены про девушек. Можно подумать, что много дружили с ними, – сказала я, надсмехаясь над его словами.

Он улыбнулся, и это была ясная улыбка невинного ребенка, чья проделка была только что раскрыта. Радостная, безмятежная, она так заворожила меня, что какое-то время я любовалась его лицом, но сразу же рассмеялась, когда увидела, как растерялся и засмутился этот взрослый, мужественный джигит.

Наверное, только у очень чистого, открытого человека с легким сердцем может сохраниться улыбка его детских лет. Я подумала, что такое не увидишь на лице каждого встречного.

То ли мои слова, то ли смех задел его за живое, или же он был уязвлен тем, что, сам не желая, выдал свой секрет, – как бы то ни было, но милая улыбка тотчас стерлась с его лица, в мгновенном взгляде я почувствовала холодный блеск. И слова оказались неожиданными.

– Грех ли это, если я знаю то, что хорошо знают другие джигиты, видел то, что уже видели другие? Я ведь уже не безусый юнец, а выдавший вид, прошедший огонь и воду бывалый джигит... Чем же занимался я до сих пор, если не заигрывал, не перешучивался с девушками? Или ходил раззявой, считая ворон в небе, заглядывая под хвост коню? Как вы сами думаете? – сказал он, открыто продемонстрировав мужскую дерзость.

И суть этих слов я прочитала так: “Видели мы немало таких заносчивых девушек, как ты. Ну и что, кидали потом под себя, выбивая из них гордыню. Ну и что, что ты дочь бека, что с того?”

Я невольно вздрогнула, вспомнив, что нахожусь в густом бору, вдали от людей, наедине с малознакомым чужим мужчиной, чьи намерения мне неизвестны, но решила не показывать своего страха.

– Я не считаю грехом, что джигит часто дружит с девушками. К чему оправдания, Торе-джигит? – произнесла я нежно-шаловливым голосом.

Мгновенно поняв, что я признала свое поражение в словесной пикировке, он громко расхохотался. Его открытый и довольный смех разнесся по лесу, так что эхо донеслось со всех сторон.

Вдоволь насмеявшись, он спросил:

– Сильно напугал вас?

Хотя в его голосе слышалось самодовольное: “А, бедовая, напугал я тебя?”, тем не менее, его глаза, таящие тихий ласковый свет, как бы винулись, говоря совсем о другом: “Милая, не напугал ли я тебя ненароком?”

Затем, глядя мне в глаза, сказал:

– Не бойся, Бану-Шешек-бегим! Ничего плохого я тебе не сделаю. Пригласив меня на встречу в уединенное место, ты проявила уважение ко мне и большое доверие. Может быть, я многого на свете не понимаю, однако знаю цену уважения. Провалиться мне сквозь землю, если я не понимаю этого. Я не перешагну грань, не нарушу обычай. Знай, что это слово джигита! Пальцем не трону, не обижу.

Он сказал это таким теплым, таким искренним голосом. И я поняла его и поверила».

Бану-Шешек с душевным трепетом вспоминала далекие годы своего девичества, первую встречу с джигитом наедине. Оказывается, она ничего не забыла. Все сохранилось на сердце в тех же красках и звуках.

ДАСТАН БАНУ-ШЕШЕК-БЕГИМ

Когда я, решив, что на этом разговор закончен, встала и направилась к коням, Торе-джигит сделал некий жест: то ли хотел похлопать меня по спине, то ли обнять, – протянул руку и коснулся моего плеча. Но я скользнула в сторону, и его рука повисла в воздухе.

– Бану-Шешек-бегим, если бы ты не была такой строптивой, то разве стал бы я так томиться, изнывая по тебе? – сказав это, он изловчился и обнял меня со стороны спины. – Хотя бы дай вдохнуть аромат твоих волос.

С этими словами он с силой вдохнул воздух у моего виска.

Его руки были сильны, и моя слабая попытка освободиться привела лишь к тому, что тиски его объятий стали еще крепче... Не знаю, вроде бы я попыталась, цепко схватив, разжать его руку, обнимавшую мою талию. Его ладонь давила, как камень, и он нажал еще сильнее. И я не смогла отвести свои руки. Это было первое в моей жизни прикосновение к джигиту, первое касание мужского тела... Глубокая проникающая дрожь пробежала по коже. Поняв, что не смогу разжать его объятия, я легким движением погладила его ладонь с тыльной стороны. Не было никаких сомнений, что это руки очень сильного джигита. Мне пришла в голову мысль, что, наверное, у девушки, нашедшей опору в таких мощных руках, не останется никакого другого желания в жизни. Поскольку в моей душе пробудилось доверие к этому человеку, я не осмеливалась сделать обидное, оттолкнув его. Он показался мне очень близким. И я решила вверить свою судьбу джигиту. Я продолжала гладить его руки, локти. На мою ласку Торе-джигит отвечал тем, что зарывшись лицом в мои волосы, продолжал прижимать меня к себе. Он сделал небольшое усилие, чтобы оборотить меня к себе, и я без всякого сопротивления повернулась к нему лицом. Торе-джигит обдал меня своим горячим дыханием, и ощущение какой-то нежной улады охватило все мое тело.

Приблизив губы к его уху, я прошептала:

– Вы прошли испытание, – затем звонко рассмеялась.

– О, мой ангел, сотворенный особенным средь всех существ! Не мучая бедное человеческое сердце, давно надо было сказать это! – с этими словами он принялся целовать мои веки, лоб, щеки.

И словно из его уст вырывалось невидимое пламя, от его жаркого дыхания будто загорелось гулким огнем все мое тело. И я, положив свою голову на его грудь, безмолвно замерла, слушая бешеный стук его сердца, вдыхая порывистое дыхание. Все мое существо, до самых недр, до последних клеток естества с неудержимой силой повлекло к нему, и я попала во власть ощущений, совершенно неизвестных мне.

Целуя мои волосы, приподняв мой подбородок, он пристально всмотрелся в мое лицо.

– Уж не сон ли я вижу? – сказал он.

Не в состоянии говорить, я только покачала головой. А он, не разжимая объятий, заговорил:

– О, Боже! Благодарение за все!.. Годы и годы я был в горькой обиде на Бога, мол, почему он так суров и скуп по отношению ко мне? Если бы я знал, что ждет меня день, когда растает вся печаль, сковавшая мою душу льдами. Тысячу поклонов тебе за то, что привел ко мне Бану-Шешек.

И я поняла, что, обращая эти слова к Всевышнему, вспомнив пережитое и увиденное, он утопает в печали, всей душой уйдя в боль прошлого. Чтобы помочь справиться с этой щемящей горечью, я принялась гладить его по волосам, утешая, словно малого ребенка. Я погладила его по лицу и почувствовала, что мои ладони повлажнели. Совсем нетрудно было догадаться, что джигит проливает безмолвные слезы.

– Спасибо тебе, Бану-Шешек-бегим. Ты одна сейчас заполнила пустоту в моей жизни... – сказал он, переведя затрудненное дыхание.

– Торе-джигит, испытание еще не закончилось! – перебила я его, чтобы он отвлекся от тяжелых воспоминаний и привел себя в порядок.

Я догадывалась, что с малых лет он рос сиротой, тоскуя по родительской любви, околачиваясь по чужим дворам и домам. А теперь из скупых слов поняла, что он сам прокладывал свой тернистый путь по жизни, ни перед кем не клонил голову, был человеком гордости и чести. Поэтому, решившись связать свою судьбу с этим человеком, прежде всего, я вознесла в душе благодарение Богу. Мне было так хорошо, так чудно в его объятиях. Мою душу грело предчувствие, что с ним не надо будет ни о чем беспокоиться, бояться и надрываться сердцем.

– Что? Даже так? – забеспокоился он. – Что еще за испытание?! Чего только не пришлось видеть в этой жизни, так что ничего страшного, посмотрим и на это дело, – он продолжал обнимать и целовать меня.

– Торе-джигит, кстати, можете проверить свою уверенность в себе, и то, насколько вы терпеливы, – сказала я и немного отодвинулась.

Однако он не отпустил меня.

– Апырмай, как же ты красива! Бану-Шешек-бегим, милая, как же велико искусство Бога, сотворившего тебя такой безупречной! Как хорошо, что ты не показала свое лицо женихам, проходившим проверку. То, что мне дозволено созерцать твою красоту, – это большой дар судьбы, – сказал он от всей души.

Он по-прежнему крепко обнимал меня, словно человек, после долгой разлуки возымевший драгоценную половину своей души. Признаюсь, мне, не испытывавшей доселе таких обжигающих огненных чувств, не очень-то и хотелось освобождаться из пьянящих объятий джигита. Он полностью властвовал над моей волей.

Прижимая меня одной рукой, а другой нежно гладя меня по волосам, он произнес:

– Милая, какая же все-таки ты юная! Бану-Шешек-бегим, кругом столько богатых баев, состоятельных мырз, – как огузы говорят, один лучше другого... Не пожалеешь ли потом, что выбрала в мужа круглого сироту, голимого бедняка, то есть меня?! Не вызваны ли твои слова безоглядным задором? Что бы ни пришло тебе в голову, говори, хорошенько подумав! Не обольщаешь ли ты меня напрасну? Бану-Шешек-бегим, если ты напрасно обнадежишь меня и подвергнешь непосильному испытанию, как потом перенесу я муки страдания?! – И голос его был какой-то совсем чужой, упавший.

Видимо, всерьез готовясь встретить испытание в виде непосильного калыма, он в какой-то момент потерял вид уверенного в себе джигита и стал напоминать обескураженного, не раз битого, не раз терпевшего неудачу человека. Я поняла, что всю свою правду он вложил в одно единственное слово. И опять, как в тот раз в шатре, когда мы разговорились, сердце заныло, затяжелело от острой жалости.

Как ему объяснить, что мне вовсе не хочется видеть его в таком состоянии? Нужно было найти теплые слова, успокоить его, и я сказала:

– Отчего так озабочен Торе-джигит? В годы мечтательной, увлекающейся юности я дала себе клятву: «Я пойду по дороге жизни только за таким джигитом, кто умнее меня, опережает в знаниях и умениях, кто примет меня такую, какая я есть, с характером озорницы, кто сможет властвовать над моей своенравной вольной натурой, за человеком с благородным характером». И я сдержу эту клятву. Меня не привлекает богатство. Состояния моего отца достаточно для всего. Ну а если речь зашла о твоём сиротстве, Торе-джигит, то с прошлым нужно проститься, отпустив его с молитвой. Вы же стали мужчиной. Никто из зрелых мужей не ходит, как привязанный, за полями отца и матери.

Я глянула в глаза Торе-джигита, проверяя, как он воспринял сказанное, однако мне показалось, что он до сих пор находится под впечатлением некой гнетущей мысли. Мои слова не произвели на него особого впечатления. «Что же мне делать, если ты не поверил моим словам, идущим от сердца?» Меня так и подмывало поозорничать.

– Торе-джигит, вы в возрасте, когда, вместо того, чтобы все время тосковать об ушедших родителях, лучше задуматься о том, что пора уже самому становиться отцом. Однако мне кажется, что вы особенно не ломаете голову над этим, – сказала я и весело рассмеялась. Мне все-таки хотелось ощутимо задеть его самолюбие.

– Кажется, я не только достиг возраста, когда становятся отцом, но и перешагнул его, – охотно поддержал он шутку жизнерадостным хохотом. На лице не осталось и следа от прежней озабоченности.

– Ну что ж, так и будете дальше увлекаться любовными похождениями? Не пришло ли время надолго привязать коня к стойлу? – обратилась я к главной теме.

Некоторое время он не мог успокоиться от приступов смеха, затем, переведя дыхание, сказал:

– Ты мастер ловить меня на слове, прелестница моя, Бике!

Обняв меня, он с наслаждением вдохнул аромат моих волос.

– Бану-Шешек-бегим, разве я не повернул коня к тебе именно для этого? – едва справляясь с волнением, он произнес эти слова почти по слогам.

И я поверила тому, что сказаны они от всей души, вышли из глубины сердца. Но все же мне хотелось еще помучить его.

– Откуда мне знать, вдруг вы возжелаете опять удариться в любовные похождения, а меня заставите томиться в ожидании?.. – обиженно спросила я.

– Если тебя терзает страх, что я сбегу пастись на прежние луга, можешь связать меня пучком своих волос или спутать им мои ноги. Тогда, возможно, я не смогу порвать путы и сбежать от тебя, – сказал он с лукавым видом.

Его шутовское сравнение самого себя с буйным конем мне понравилось.

– Вы, похоже, не порвете, однако, боюсь, Акмоншак придет на помощь и разгрызет узы.

– Нет, Акмоншак хорошо понимает мои чаяния, он знает, что так я останусь в одиночестве, – ответил джигит.

– Понятно, оказывается, это Акмоншак возит вас к девушкам! – рассмеялась я.

– Конечно, это так, я же не стану ходить к девушкам пешком, – честно признался он.

– Наконец-то сказали правду, – залилась я смехом.

Похоже, в этот день я стала настоящей насмешницей.

– Бану-Шешек-бегим! Разве ты была бы Бану-Шешек, если бы говорила по-иному! Ты едва не вынудила меня обмолвиться о том, что я скрываю даже от самого себя! Шалунья моя, прелестница Бикем, в твоей воле заставить меня забыть о тех девушках...

Он прижал меня к себе и, щекоча жарким дыханием мою щеку, принялся целовать. Сладостная дрожь вновь пробежала по телу. Утопая в тумане томления, я еще теснее приникла к джигиту. Он слегка куснул мое ухо, щекоча его. Небывалая слабость охватила меня, колени подогнулись, и я едва удержалась на ногах. Я не смела признаться себе, что каждое его касание нравилось мне.

Но даже тогда я не забыла об озорстве.

– Торе, прошу, не трогайте мое ухо, мне щекотно, – лукаво сказала я.

– А меня это умиляет, прелестная моя Бике. Бывает же таким прекрасным человеческое ухо!

С этими словами он поцеловал устье моего уха. Целуя, прижимая к себе, он стал наваливаться на меня. Мне почудилось, что мое тело пылает в огромном костре. Продолжая обнимать, произнося самые красивые, самые сокровенные слова, с учащенным, прерывающимся дыханием и бьющимся сердцем он продолжал ласкать меня. В какое-то мгновение так сильно прижал к себе, что я почувствовала, как пряжка от его ремня впилась в мое тело. И я поняла, что допустила ошибку, до такой степени позволив ему властвовать надо мной.

Вот тебе и на! Увлечшись шутками, желая успокоить и отвлечь его от грустных мыслей, я, сама того не желая, пробудила в нем неумную страсть. Было ясно, что я попала на собственную удочку. На этот раз, уклоняясь от его горячего дыхания, я собралась с силами, чтобы высвободиться.

Я вспомнила предостережения своей кормилицы.

Кормилица была для меня главной советчицей, и я старалась внимательно слушать ее. Моя мать была уже в возрасте, когда родила меня. После моего рождения она сильно занемогла, молоко пропало, и она оказалась не в состоянии кормить меня грудью. Поэтому нашли недавно родившую молодку, которая и выкормила, и вынянчила меня. А затем она осталась в нашем доме, продолжая смотреть за мной. Я больше привязалась к ней, младшей матери, нежели к собственной. Мы с ней не расставались. Это она воспитала меня девочкой, научила заплетать волосы, ухаживать за ними. Отцу же нравилось, когда я одевалась, как мальчик. Поэтому платье я стала надевать гораздо позже. И этому тоже научила младшая мать.

Встретившись с Кан-Торе в его шатре, увидев, какой он человек, я рассказала потом кормилице, что он мне понравился, поделилась своими наблюдениями. Не стала скрывать, что мне хочется встретиться с ним наедине. И она не на шутку встревожилась, отговаривала меня.

– Откажись от этой задумки, Бану-Шешек, дитя мое. Очень опасно встречаться девушке с джигитом в безлюдном месте, откуда тебе знать, что у него на уме? Как бы не оказался он охальником, подосланным к тебе одним из тех джигитов, которые не прошли твоей проверки, чтобы опозорить тебя? – высказала она опасение.

– Нет, он не похож на человека, играющего в грязную игру, затеянную другим.

– Все равно не оставайся с ним наедине. Возьми с собой Сакыш или Саруар.

– Ну и скажите же вы! О чем могут говорить джигит и девушка, поставив рядом караул? Что такое может сделать мне он?

– Заворожит ласковыми словами, заколдует жарким дыханием. Вовлечет в рискованную игру.

– Все равно не набросится же на меня.

– Дай Бог, чтобы зло не пришло на ум мужчине. Если он задумает плохое, ничто не удержит его. Все равно он добьется желаемого.

– Апа, вы пугаете меня, словно готовите не на свидание с джигитом, а на кровавую схватку.

– Это тоже война, милая моя. Это вечное сражение, которое длится с появления человечества. На этой войне не бывает победителя и побежденного. Это мир, где правят собачьи правила, где каждый получает, что хочет. Умей защитить себя!

– Как мне защититься?

– Бану-Шешек, дитя мое, главный враг – не снаружи, а внутри человека. Мне давно нужно было сказать тебе об этом. Думаю, пришло время объяснить. Враг, скрывающийся внутри тебя, это собственное телесное влечение, твое желание. Оно открывает врата внешнему врагу, зовет к себе. Знай это! Сначала обуздай себя. Затем постарайся понять, что он хочет от тебя.

– Как это узнать?

– Он даст знать об этом. К тому же если он бывалый, во всем сведущий джигит, привыкший смолоду брать свое... Будь осторожна и блюди себя!

Я пришла в замешательство.

– Говорят, раз разделся – залезай в воду. Если решила идти к нему, иди. Убедись до конца, что он за человек. Буду надеяться, что он ничего плохого тебе не сделает. Да и ты сама, кажется, доверяешь ему. Да оправдается твоя надежда, милая. Помни об одном: твоим оружием должны быть уловки и хитрости. Опутай его волю, обворожи теплыми словами, действиями, смехом, лукавством и просьбами. Так сможешь одолеть его, – наставляла меня обеспокоенная кормилица. – Бану-Шешек, дитя мое! Джигит не должен чувствовать, что он нравится тебе и запал в сердце. Если он ощутит это, то возликует, начнет играть твоими чувствами, возжелает подчинить тебя своей воле. Знай это! Умей скрыть свои чувства, милая! Никогда не забывай, что твоя честь – это честь твоего отца, – закончила она.

И когда все это пришло мне на память, я поостыла. Торе-джигит сразу почувствовал, что я уже не так воспринимаю его поцелуи и ласки. Он обнял меня и прижал к себе с такой силой, что у меня заныли ребра. Этакое презренное чувство, наверное, мой внутренний враг, вожделея его, в томлении истово потянулось к нему, стремясь слиться с ним воедино. Обмирая и обессиливая, уже на грани тьмы я ощутила злость на него и на себя тоже. Не тратя времени на раздумья, дескать, как освободиться, я стала понемногу отодвигаться, чтобы быть на каком-то расстоянии от него. Торе-джигит, видимо, понял, чем вызвано мое опасение.

А я, словно ни о чем не догадалась, начала мягко поглаживать его руки, локти, плечи.

– Мой Торе – предводитель всех джигитов. Мой Торе дал мне слово. Мой Торе от своих слов не откажется. Мой Торе – лучший из джигитов. Никто не сравнится с ним, – ласковыми словами отвлекая его, я нежно поглаживала его по груди, плечам.

Догадливый же был мой Торе! Словно в одно мгновение постиг, какую бурю чувств пережила я, какое волнение одолевало меня. Он понемногу ослабил объятия, затем незаметно отступил назад.

Кажется, мое свидание с Торе-джигитом достигло своей кульминации. Теперь я думала о том, как выйти из этой трудной ситуации, не обидев Торе, но и не уронив своей чести. Я ломала голову над тем, как успокоить и привести в чувство Торе-джигита. Однако эта задача решилась неожиданно легко.

Изображая из себя избалованную неженку, я продолжала повторять какое-то ласковое слово.

– Бану-Шешек-бегим! Ложно хваля меня, ты совсем сбила меня с толку! – сказал он.

– Почему это я ложно хвалю?

– Ты же сама накануне сказала, что нельзя верить твоим словам.

– Вот что не могу понять я: вы, оказывается, не верите в правдивость моих слов. Ну, тогда скажите, сомневаетесь ли вы сами, что являетесь предводителем джигитов? – спросила я.

– Нет, поначалу я вроде бы поверил твоим словам. Однако мне показалось, что похвалы были только для того, чтобы подчинить своей воле мое неуемное чувство к тебе. Эта моя догадка верна? Ну-ка, вынеси свой суд, – сказал он.

Я не смогла дать ответ.

– Значит, правда! Душа моя, хотя я обнимаю и целую тебя, мне самому в это не верится. Мне не по себе от того, что ты до сих пор не открыла мне свое сердце, не дала заветное обещание. Милая, уж не играешь ли ты моими чувствами? Не заставляй так мучиться меня, красавица моя! Отвечу и на второй твой вопрос. Сказав: «Мой Торе – предводитель всех джигитов», ты, конечно, имела в виду мое имя, не так ли?! Ведь, думаю, ты и так хорошо знаешь, что джигит, не имеющий в достатке коней, никак не может быть торе. Поэтому эти слова горьки для меня. Наверное, мне не суждено быть торе джигитов. Скорее всего, все сказанное объясняется пылкими чувствами юности, – выговорил он.

Услышав эту речь, я поняла, что он пришел в себя – и что мои слова ранили его душу. Однако как быть, если он не поверил тому, что я восприняла его как торе всех джигитов?! Как я смогу заставить его поверить? Меня одолевали двойственные чувства, самые разные мысли крутились в моей голове... Казалось, ему очень нужно, чтобы я заставила его поверить в искренность моих чувств. Очевидно, тайным смыслом его слов было то, что теперь он хотел испытать меня на откровенность.

– Мой Торе, и слова ваши, и желание ваше уместны. Похоже, сейчас и вы, и я проходим проверку. Прежде всего, я хочу, чтобы вы, мой Торе, успешно прошли это испытание. Какие еще слова нужны? – ответила я.

– Правда? – сказал он и снова принялся с силой вдыхать воздух у моих волос, игриво щекоча мое ухо.

Я почувствовала, что у него на душе стало легче. Однако я ошибалась.

– Апырай, до последнего времени я никому не позволял командовать мной. Считал себя гордым человеком, который никогда не позволит другим навязать мне свою волю. А сегодня я повержен девушкой! Похоже, сегодня для меня день поражения, – сказал он.

Это был неожиданный для меня поворот. Сейчас он обращался будто вовсе ко не мне, а к самому себе. И мне опять не понравилось, что он до такой степени принижает себя.

– Нет, мой Торе, вы не проиграли. Скорее, потерпела поражение я, – сказала я, положив голову ему на грудь.

Он, не поняв, спросил:

– Как это?

Одной рукой придерживая его широкую спину, другой давя в грудь, я принудила его распрявиться, поднять голову выше.

– Почему мой Торе должен терпеть поражение от девушки? Мой Торе ничем не хуже самого хана. Держите голову выше, мой Торе. Проиграла я, не вы, – повторила я.

Он не стал останавливать меня, стремясь лучше понять слова, и чутко замер, продолжая обнимать меня.

– Я всегда считала себя ничем не хуже любого джигита, вела себя заносчиво, независимо, горделиво задираюла нос. Надумала проводить джигитов через разные испытания. Потому что стало слишком много претендентов на мою руку, не считающихся со своими возможностями, не оглядывающихся на свои недостатки. Но я поняла, что все это было зря.

– Почему?

– Сегодня я осознала, что на самом деле являюсь лишь простым существом из рода длиннополых. Раньше я была избалованной озорницей, не ведающей, мальчик она или девочка. Вы заставили меня понять себя, мой Торе... – Я прижала голову к его груди. – Я хорошо поняла, что с нетерпением буду ждать того дня, когда мне доведется, теряя дыхание, изведать сладостную тяжесть этой гордой груди. Для меня вы – лучший из джигитов, мой Торе, – прошептала я. – Только раньше времени не принуждайте меня ни к чему...

Говоря это, я почувствовала, как от стыда нестерпимо запылали мои щеки.

– Бану-Шешек-бегим, милая! Твои слова заставили гореть и пылать меня до самых костей. Что ты такое говоришь?! – сказал он, лаская меня. – Я же дал тебе слово, ангел мой, единственная моя! Если я не смогу выполнить свое обещание, то какой я джигит? Отчего ты вдруг засомневалась?

Обнимая, прижимая меня к себе, снова с шумом вдохнул воздух у моих волос. И в то же время старался сохранять какую-то неуловимую дистанцию между нами. Догадливый же, мой Торе, мой Торе – сметливый.

– Ты испугалась меня? – спросил он.

– Да, моя кормилица кое-что сказала мне, даже напугала. Вернувшись из вашего шатра, я рассказала няне, что хочу встретиться с вами наедине, чтобы поговорить по душам. Она всполошилась, мол, не ходи. «Свидание с джигитом в уединенном месте ни к чему хорошему не приведет, это опасно! Откуда тебе знать, что у него на уме?» – даже ругала она.

– Значит, домашние знают, что ты отправилась ко мне? – спросил настороженно Торе.

– Родители думают, что я отправилась на прогулку за пределы селения. О нашем тайном свидании знают только мои подруги и младшая мать. Она со слезами сказала мне: «Если с тобой что-нибудь случится, отец привяжет меня к ногам коней и убьет, бичуя меня».

– У тебя две матери?!

– Можно сказать так.

– Чего еще боится твоя младшая мать? – спросил Торе-джигит, стараясь выведать как можно больше.

– Она говорила, что внутри джигита сидит настоящий враг девушки. И это – телесное желание джигита. Оно не находит удовлетворения оттого, что джигит целует тебя, а ждет чего-то еще. Оно обворожит, заколдует тебя теплыми словами жарким дыханием. Захочет подчинить тебя своей воле. Такой враг есть и у меня внутри. Мой внутренний враг – мое телесное желание. Оно постарается открыть путь внешнему врагу. «Будь настороже по отношению к своему телесному желанию. Будь настороже», – так пугала она.

– Надо же...

– Она сильно насмешила меня. «Ты, оказывается, готовишь меня не к свиданию с джигитом, а к чему-то похуже, чем кровавая война», – сказала я. «И это тоже война, милая. Это вечное сражение, которое идет с незапамятных времен», – ответила она.

Голос Торе-джигита стал холодным:

– Младшая мать представила меня каким-то монстром и, вижу, влила тебе в уши невесть что обо мне.

– Только что вы сильно хвалили мои уши, а теперь они не нравятся вам? – рассмеялась я.

Однако мой Торе не стал смеяться. Что-то насторожило, обеспокоило его. Не зная, что сказала не так, я решила вести свою линию дальше.

– Младшая мать также назвала, какими бывают лучшие из джигитов.

– И что она сказала? – встрепнулся он.

– «По-настоящему благородный джигит – тот, кто умеет сдерживать себя, свое влечение, не показывает девушке грубость и бестактность. Такого джигита можно назвать лучшим из джигитов», – вот что услышала я от младшей матери. – «А женолюб, подобных козлам, таскающихся за каждой юбкой, не спускающих глаз с любого смазливового женского личика – полным-полно. Если хочешь замуж, найди лучшего из джигитов и выходи», – так говорила матушка, – сказала я, испытующе глядя на Торе.

– Милая, Бану-Шешек-бегим! Хотя ты юная, но не такая наивная, как я думал. Когда ты сказала: «Мой Торе – торе всех джигитов», ты, оказывается, хотела, чтобы я был лучшим из джигитов, ангел мой. Лучшая из рожденных, милая моя, я, выходит, не понял тебя, – заключил Торе, словно найдя выход. – Лучшая из рожденных, милая, – задумчиво повторил он, прижав меня к себе и с силой вдыхая аромат моих волос.

– Да, мой Торе, я начала уставать от того, что вы подводите все к теме калыма. Скажите, разве я когда-нибудь спрашивала вас: «Богатый вы или бедный?» Мне дороже всего вы сами, мой Торе! – сказала я убежденно, а затем, поняв, что до сих пор сама не обняла и не поцеловала его, обхватила его за шею, прижавшись к груди. – Мой Торе – лучший из джигитов...

В это мгновение все мои обиды и вопросы к нему рассеялись, как дым. Он тоже начал ласкать и целовать меня.

Потом я взяла руки Торе и прижала к своему пылающему лицу его большие ладони. Закаленные и затвердевшие от тяжелой работы сильные ладони моего

Торе оказались твердыми, жесткими. Однако они касались горящего от жара моего лица, словно легчайший пух... Когда жар унялся, мне захотелось бережно погладить эти ладони. Сначала я взяла правую руку, однако мой Торе убрал ее. Все равно я ухватила за запястье и разжала кулак, а затем начала мягко поглаживать ладонь. Она была вся в мозолях... Мой Торе, похоже, не хотел показывать их мне! Понимая, что столько мозолей отнюдь не случайно появляются на мужской ладони, умиленная, растроганная, я продолжала мягко гладить пальцы. И долго целовала каждую мозоль, вздувшуюся твердым бугорком... Отпустив правую руку, расправила левую ладонь. На ней мозолей было поменьше. И эту ладонь тоже нежно погладила, затем расцеловала каждый палец обеих рук... Руки моего Торе-джигита показались мне почему-то особенными, таящими нечто важное.

Мой Торе был взволнован.

– Бану-Шешек-бегим! Ты опять растрогала меня, оживила печаль, спящую в глубине души. Не помню, сколько было мне лет... Оседлав белый прутик и лихо прискакав домой, я увидел мать, расхаживавшую перед дверью. Она подошла, ласково приговаривая: «Жеребенок мой», понюхала мой чубчик, затем присела на колени и сказала: «Брось эту палку», взяла в ладони мои руки и долго целовала каждый мой палец... От матери в памяти сохранилась только одна эта картина. И ты воскресила этот уже тающий облик дорогой моей матери, милая. После нее больше никто не целовал мне ладони. Сегодня это сделала ты, милая. Как мне не растрогаться?! – произнес он дрожащим голосом.

И я, чтобы скорее вывести его из состояния грустного умиления, ответила:

– Мой Торе, мне очень понравились ваши руки. Мои ладони, прикоснувшиеся к вашему телу, первыми коснулись именно рук. Вы, наверное, не забыли, что недавно, когда вы обняли меня, я схватила ваши руки и гладила их.

Он уже полностью владел собой и стоял прямо.

– Получается, тебе понравились только мои руки? А я сам, разве не приглянулся тебе? – тотчас спросил он.

– Разве вы сами не протянули руку мне, когда я впервые вошла в ваш шатер? И я подумала, что, быть может, вы хотите сказать: «Сначала поцелуй мне руку». Однако мне было неловко делать это на виду всех людей. Потом мне полюбились ваши глаза, полные теплоты и приязни, словно излучающие ласку. Подобно птице, замороженной магией змеи, разве не явилась я в ваши объятия, будучи очарованной вашими глазами?

– Ну, тогда не поцелуешь ли мои глаза? – пошутил он.

– Нет, мой Торе, не сейчас, позже. Поцеловала бы сейчас, но мне не хватает роста. Когда мы войдем в наш дом-отау, сразу повалю вас и буду целовать, сколько будет угодно моей душе, – сказала я, чтобы поднять ему настроение.

Живо представив, как я валю его, великана, на пол юрты, он расхохотался своим громким, жизнерадостным смехом. Рассмешив своего Торе-джигита, я попыталась выведать один секрет.

– Вы недавно обмолвились, что не услышали от меня настоящего признания, уж не обиделись ли вы?

– Да, моя баловница, прелестная Бике, это правда. И до сих пор не услышал от тебя настоящего признания и не убедился в том, что ты отдала свое сердце мне. Поэтому я всерьез охвачен сомнениями, мол, не забавляется ли она мной, не напрасная ли это затея?

– Как же мне объяснить? Младшая мать все твердила мне: «Не говори джигиту, что он нравится тебе, более того, не давай ему почувствовать это. Если он почувствует, что приглянулся тебе, возгордится и осмелится делать все, что ему взбредет в голову».

– Это твоя младшая матушка почему-то все время встречается между нами, – сказал Торе-джигит неприязненно.

– Однако, мой Торе, оказывается, я не смогу выполнить ее требования. Все же вы не говорите об этом моей младшей матери. Если я открыто признаюсь в том, что с первого взгляда вы понравились мне, что моя душа устремилась к вам, вы же не станете мучить меня, мол, докажи, что любишь, – засмеялась я.

Он сразу понял, в чем дело.

– Апырай, сказал же, что сдержу свое слово! – ответил в замешательстве.

Похоже, он подумал, что я опять морочу ему голову.

– Мой Торе, не сердитесь, – взяв его ладони, я опять прижала их к своему лицу. – Это правда, что мне полюбились и ваши руки, и ваши глаза. Кажется, я по-настоящему... – прервав речь, я отпустила его руки, расстегнула ворот его рубашки, обнажив ему грудь.

Торе-джигит, видимо, решив, что «эта девушка собирается раздеть меня», так и застыл на месте. Обнажив его мощную грудь, я прижала голову к ней.

– Мой Торе, кажется, я по-настоящему влюбилась в вашу гордую грудь, – сказав это, я стала целовать его.

Грудь моего Торе казалась мне манящей кладовой, полной бесценных сокровищ. Я покрыла поцелуями всю его грудь. Он же, полностью растерянный, не мог сказать ни слова, будто язык проглотил.

– Пришло время истинного испытания, Торе-джигит! Если в самом деле хотите зваться лучшим из джигитов, вы должны терпеливо и с пониманием отнестись к моей томящейся душе, страстному влечению, горячему чувству к вам.

Я застегнула ворот рубашки и начала целовать Торе в подбородок, обняла за шею, склонила к себе гордо посаженную голову... Я целовала его, покусывая подбородок.

– Это за то, что вы кусали мои уши. Мы тоже умеем кусаться...

– Милая моя, можешь не только кусать, но и изжевать полностью, я согласен. Едва живой, я еле стою на ногах, горя в твоём огне, баловница, прелестная моя Бике, – сказал Торе-джигит, приходя в себя. Сжав меня в крепких объятиях, шепнул мне в ухо: – Милая моя, от твоих слов: «Кажется, я по-настоящему влюблена», у меня кружится голова, земля уходит из-под ног. Я от души благодарен тебе, лучшая из девушек, за то, что, не отталкивая меня, признала равным себе.

– Как я могу пренебрегать таким благородным джигитом, как вы?

– Ангел мой, сотворенная среди всех людей особенной, ты на самом деле любишь меня! Глупая моя голова, почему до сих пор этого не заметил? Оказывается, зря сомневался в твоих чувствах ко мне! – с трепетной нежностью сбивчиво выговорив это, он замер, по-прежнему прижимая меня к себе.

Я поняла, что он предельно расчувствовался.

– Милая моя, за что, за какие заслуги Бог вселил в тебя мой образ в таком высоком свете? – говоря это от всего сердца, радуясь, он продолжал ласково целовать меня.

– За что-то вы понравились Богу.

– Наверное, так.

– Мой Торе, когда Бог сотворил вас таким красивым, рослым, статным и пригожим, сделав вас мастером на все руки, он, видать, дал и мне глаза, чтобы сумела различить вас среди многих и узнать, – сказала я после некоторого молчания.

– Мой Торе, я не могла забыть вас после первой же встречи. Особенно ваши глаза, такие ласковые, такие теплые, глядящие прямо в душу мне. Куда бы я ни пошла, они всюду будто следили со мной. И не смогла я вчера дожждаться заката, а сегодня – дожждаться зари. Так сильно тосковала по вам, – сказала я, признавая свое поражение перед чувствами к джигиту.

Предостережения младшей матери были забыты.

– Правда? Ну тогда иди ко мне, – сказав это, он прижал меня к себе, с любовью принялся гладить меня по волосам, спине, нашептывая: – Утоли же свою тоску...

Мы долго так стояли. Его руки не смели ни опуститься ниже пояса до моего бедра, ни подняться выше к моей груди. Он держался несколько отстраненно, сохраняя дистанцию. Догадливый же мой Торе!

И хотя я сказала то, что хотела, тем не менее, горя от стыда, спросила:

– Только вы не подумайте про меня, дескать, распущенная, лишенная совести, своенравная девушка. Прошу только об этом!

– О чем это ты, милая?! Бесценная моя, когда ветка стянула вуаль с твоего лица, я сразу понял, что ты невинная, юная, с чистой, как родник, душой.

– Стоять столько времени с вами в густом лесу – само это дается мне нелегко. Если нас увидит кто-то чужой, что он скажет? Конечно, ругнется: «Распущенная, легкомысленная дочь бека!»

– Милая, не говори так! Ангел бесценный мой, ни у одного человека не хватит духу так подумать о тебе! В воздаяние за тяжелую судьбу Бог послал мне такого ангела, как ты, красавица моя, Бике...

Он крепко обнял меня, зарываясь лицом в мои волосы. О чем он думал, мне было неизвестно.

Через некоторое время, ослабив объятия, он произнес:

– Вижу, у тебя острый ум. Ты наверняка поняла, что с малых лет я рос в степных кочевьях, в шатрах пастухов, среди одних только мужчин, то есть был мальчиком на побегушках. В среде одних только неотесанных мужчин воспитанности не бывает. Это, конечно, передалось и мне. Не имеет смысла скрывать: я могу, не задумываясь, прямо высказать то, что пришло на ум, мне не даны учтивость и вежливость, я могу быть грубым, развязным на язык. Я постараюсь стать обходительным, хотя это будет нелегко. Признаюсь, порой с языка срывается кое-что лишнее, какие-то бестактные слова... Но, милая моя, как я могу подумать о тебе что-то нехорошее? Я убедился в твоей кристальной чистоте, честности, неподкупности! Неужели ты думаешь, что все это время я блаженствовал только от того, что обнимаю и целую тебя? Мне очень по душе твоя внимательность и чуткость. Из-за переживаний по поводу недостатка своих возможностей я то и дело падаю духом, но ты тихонько выводил меня из тяжелого состояния, милой шуткой, сладкими, как мед, словами, подбадривая меня. Как мне это не оценить это, как не быть признательным?! И было бы очень хорошо, если бы ты привыкла к моему грубоватому бестактному характеру, милая.

И когда он это сказал, я не выдержав, обняла его и прижалась к его груди.

– Мой добрейший Торе, пока я не заметила в ваших словах ничего бестактного. Не переживайте. Вашей сильной, широкой натуре были бы не к лицу ложная учтивость, нарочитая скромность и предупредительность. Не стесняйтесь присущего вам природного характера, – ответила я и, наклонив голову моего Торе, обняла его за шею, шаловливо поцеловала в подбородок, в губы.

– Ну что, мы подружились, баловница моя, Бике?!

– Мы дружны. Однако моя обида еще не прошла. Мой Торе, признаваясь в том, что до вас еще ни один мужчина не целовал и не обнимал меня, скажу еще, что, кроме отца, ни один мужчина не держал меня за руку. Можно сказать, что я впервые держала мужскую руку, когда трогала и гладила ваши пальцы.

– Ой, милая, ты опять начала?

– Я же говорю о том, что до сих пор в обиде на вас. За это сильно накажу вас, – сказала я.

– Как ты собираешься наказать меня, баловница моя, Бике?

– Вы не должны приближаться ко мне.

– Перестань, милая, прелестная моя Бике, – он опять обнял меня и приблизил губы к моему уху. – Я терплю только потому, что дал тебе слово. Я еле владею собой. До каких же пор мне терпеть?! – сказал он порывисто.

– Вы думаете легко получить имя лучшего из джигитов?

– Бану-Шешек-бегим, и откуда ты только взяла это – торе джигитов?! Мне отнюдь не хочется называться лучшим из джигитов. Не подвергай меня сильному наказанию, – сказал он умоляющим голосом.

Его слова вырвались из самой глубины души и отражали вполне понятное желание мужчины. За это я не могла укорять Торе-джигита.

– Не накажу! Добрейший мой Торе, надеюсь, у вас найдется мужество немного потерпеть. Мой Торе, вы же сами знаете, в надежде получить мою руку и согласие женихи прибывали со всех сторон целыми толпами. И никому из них не удалось ни увидеть моего лица, ни поговорить со мной наедине. Не говоря уже об объятиях, беднягам не удалось даже пальцем прикоснуться ко мне!

– Среди них было немало могучих, подобных льву, широкогрудых надменных джигитов. Мы же все из одного аймака. Это были джигиты, которые встречались нам на тоях, кокпаре.

– Мой Торе, откуда вам знать, быть может, именно поэтому мне не понравился вид этих спесивых, себялюбивых джигитов? Оказывается, вам стало жалко их.

– Говорят же: «У тех, кто носит борик, честь едина».

– Ну, тогда вас тоже отправлю следом за ними. Скажете им: «В отличие от вас я счастлив. Я видел лицо этой строптивой девушки, обнимал, целовал ее». И еще что-нибудь добавьте, чтобы прихвастнуть, мол: «Делал то да сё», – пошутила я.

Мой Торе расстроился.

– Перестань, милая, прошу тебя. Не говори лишнего. Баловница моя, Бике, ты говоришь это, чтобы уязвить меня в самое сердце, – с обидой выговорил он.

– Нет, мой дорогой Торе, теперь я вас никуда не отпущу. После вчерашней встречи, еле дождавшись сегодняшнего свидания, как я смогу залечить сердечные раны, если отпущу вас? Торе, душа моя, вы до сих пор не осознаете, что полностью подчинили меня своей воле.

– Как бы это я понял? Ведь ты без веревки связала меня моим же обещанием, данным тебе, баловница моя, Бике.

– Мой Торе, наберитесь терпения. Ведь это всего лишь испытание.

– Милая моя, лучшая из рожденных! Какая мать родила столь красивую дочь, с таким медовым языком, столь прелестными поступками? Благодарность за искреннее чувство, за доброжелательность, за милое озорство просто переполняет меня. Я растроган твоими чудными словами «люблю по-настоящему», посвященными такому бедовому, самонадеянному джигиту, как я. Всего за один день ты обрушила на мою голову столько радости! В моей душе не осталось ни капли сомнений! – сказал он и в упоении прижал меня к себе.

И я всем телом нарочито прильнула к нему. Мой Торе мгновенно подался назад. Продолжая стоять на месте, я сделала вид, что ничего не заметила.

Торе перешел на другую тему:

– Утром, когда Сагыш позвала меня, мои джигиты собрались идти вместе со мной. «Кто вас звал? Бикеш сказала, что хочет поговорить с Торе-джигитом наедине», – так Сагыш остудила их порыв.

– Да, наша Сагыш отличается таким характером.

– Джигиты пошутили: «Ну, неукротимый наш Торе, твоя гордая голова до сих пор успешно ускользала от петли всяких красавиц. Однако, похоже, сегодня не миновать твоей шее аркана. Будь начеку».

– Да сбудутся ваши слова! Что делать, если пришло время распрощаться с холостяцкой жизнью! – ответил я.

– Дочь бека Бану-Шешек явилась вчера отнюдь не зря. Глаза у нее, оказывается, острые, так и сверкали звездами из-под покрывала. Торе, они отмечали каждый твой шаг, реагировали на каждое слово, безмолвно следили за тобой. Неспроста сегодня она зовет тебя, – сказал один из дружков.

– Как бы Бану-Шешек-бегим не оказалась равнодушной к тебе! – начал подшучивать второй.

– Ну, тогда я под аркан голову подставляю сам, – сказал я.

– Если Бану-Шешек действительно равнодушна к тебе, неукротимый Торе, подставляй гордую голову не под аркан, а сразу под недоуздок, – веселились джигиты, надсмехаясь надо мной.

– Похоже, это очень высокомерная девушка. Торе, в любом случае – будь начеку! Если ее проверка заденет твою гордость, поворачивайся и уходи. Не роняй свою честь, не клони драгоценную голову перед ней. На свете полно девушек. Найдется и для тебя какая-нибудь длиннополая, – балагуря, они проводили меня.

Думаю, что мои друзья были правы в своих предположениях... – сказал чистосердечно Торе про своих друзей.

– Почему друзья называют вас неукротимый Торе? – спросила я.

– Да ведь они тоже спокойно не ходят! Захотели как-то познакомиться с одной девушкой, чтобы оженить меня. В итоге я сбежал от этой девушки, насилу избавился от нее. После этого и стали подтрунивать, называя меня Асау Торе – неукротимым Торе.

– Мой Торе, выходит, ваши джигиты пугали вас, словно я могла живьем проглотить их друга. Вот это да! Ну, душа моя, если в ауле меня запугивала вами младшая мать, а в шатре ваши джигиты страшали вас мною, не следует ли нам

махнуть рукой и насладиться счастьем, обнимаясь и целуясь здесь? Те, кто боится, пусть боятся! – сказала я шутливо.

– Верно, лучшая из рожденных, ангел мой. Иди ко мне, прелестная моя Бике, – с этими словами Торе-джигит приник ко мне, с силой вдохнул воздух и ласково поцеловал в подбородок.

Когда его губы коснулись моей шеи, сладостная дрожь опять всколыхнула мое тело, и, затуманенная, я оказалась не в силах бороться с желанием, чтобы это состояние длилось и длилось. Я крепко обхватила его за шею.

– Мой Торе, не надо, мне щекотно, – сказала я шаловливо, нежно приникая к нему.

Мне хотелось, чтобы он так же страстно обнимал и целовал меня. Однако мой Торе попятился назад.

– Все, больше не буду, не буду.

Похоже, что мой Торе опасался тесно сближаться со мной, по крайней мере, он вел себя не как прежде.

С трудом переведя дыхание, он в сердцах сказал:

– Милая моя, до каких пор будешь мучить меня? Наступит конец этим мукам или нет?

Обхватив гордую голову моего Торе, я пригнула его к себе и, не давая ему говорить, горячо зашептала ему на ухо:

– На этом испытание завершено. Вы прошли это испытание без сучка и задоринки. Мой Торе – в самом деле лучший из джигитов. После этого прошу вас не произносить такие слова: «Видать, на моем роду не написано называться торе джигитов». Держите высоко свою бесценную голову, дорогой мой Торе, – продолжала я целовать его.

Когда он потянулся поцеловать меня, я подставила подбородок, и он долго ласкал меня. В его объятиях я теряла самообладание, словно таяла всем телом и испарялась в жарком тумане. Мой Торе часто задышал, затем повернулся и отошел в сторону.

В душе моего Торе, давшего слово чести, происходила яростная борьба между чувством долга и горячей кровью, буйно кипевшей в его жилах. И я решила отвлечь его словами, чтобы привести в чувство.

– Мой Торе, прошу вас прийти завтра к моему отцу, чтобы отдать салем, познакомиться и почтить его.

– Он не прогонит меня?

– Почему прогонит?

– А младшая мать? Ведь она невзлюбила меня.

– Нет, мой Торе, это не так. Вы не думайте так плохо о ней. То, что мы с вами встретились здесь, – случилось благодаря младшей матери. Когда я призналась, что хочу встретиться с вами, представьте себе, что она побежала бы к старшей матери и подняла шум, а та – к отцу, наговаривая лишнее, что вышло бы из этого? Ясно, что меня тогда не выпустили бы из дома. Повторяя: «Не ходи, не ходи» и все же видя, что я сама не своя, младшая мать, сказала: «Говорят, коль разделся – залезай в воду. Собралась идти – иди. Сама убедись, какой он человек. Возможно, это твоя половинка, посланная тебе судьбой. Вижу, что в твоей душе есть доверие к этому джигиту. Да оправдается это доверие, милая. Но не показывай, что он нравится тебе». И она всплакнула. Все равно я не прислушалась к ее словам. К

чему было приглашать вас, если бы, позвав, я не раскрыла вам душу? Не так ли, мой Торе, – ластясь к нему, я прикоснулась лбом к его подбородку.

Он молчал. О чем же он думал? Я замерла в ожидании его слов.

– А если она намекнет, что я не нравлюсь ей, не постарается ли она внушить сомнения твоему отцу, мол: «Этот джигит отнюдь не ровня нашей Бану-Шешек?»

– Нет, не думайте так, мой Торе! Женщины нашего дома не позволяют себе такой вольности – перечить моему отцу, чтобы властвовать надо мной. Там, где говорит мой отец, они обычно сидят молча. Об этом не беспокойтесь, – сказала я.

– Баловница моя, Бике, сколько жен у вашего отца? – спросил тогда прямодушный Торе.

– Как сколько жен? Моя родная мать и моя кормилица, воспитавшая меня, всего две.

– Ты только сейчас сказала: «Женщины нашего дома сидят тихо, помалкивая», поэтому я и подумал, что у ваших беков бывает много жен.

– Простодушный мой Торе! Этих двух женщин достаточно, чтобы заморочить голову моему отцу. Зачем ему еще одна головная боль?

Торе-джигит хранил молчание. Мне стало ясно, что ему, возмужалому джигиту, не по себе от мысли, что надо повидаться с моим отцом.

– Мой Торе, сильно не переживайте. Мой отец – умный, терпеливый человек. Я думаю, что он поймет вас, – сказала я, подбадривая его. Затем решила повернуть разговор в другое русло: – А что вы скажете своим джигитам?

Торе джигит разразился смехом. На его лице заиграла насмешливая улыбка, и я поняла, что он готовится к какой-то шутке.

– «Джигиты, вы угадали. Бану-Шешек-бегим сделала из локонов своих волос петлю и набросила мне на шею. И эта петля сдавила мне горло сильнее аркана», – вот так пожалуюсь им я.

– Неукротимый мой Торе, а утверждали, что не способны говорить обходительно и учтиво. А сами просто говорун. А если они спросят: «Какому испытанию подвергла она тебя?» Что скажете им?

– «Джигиты, вы не спрашивайте, а я не буду говорить об этом». Скажу, что эта Бану-Шешек, оказывается, бессердечная девушка с каменным безжалостным сердцем... она завела меня в густой лес, где нога человека не ступала, повалила на землю, связала волосяной веревкой и начала мучить, выдавливая из меня душу. Стала жестоко пытаться меня, мол: «За сколькими девушками ухаживал до этого?» Когда она начала скручивать веревку, дескать: «Говори правду!» – моя душа едва не вылетела из ноздрей, в глазах все потемнело. «Кто же их считал, я давно сбился со счета!» – признался я...

– Перестаньте, мой Торе, не смешите меня! Я же не об этом спрашивала.

– Не увиливай, баловница! А кто начал спор, выведывая: «Похоже, вы многое знаете про девушек. Судя по всему, вы много дружили с девушками»? Разве не с этого начался наш разговор? Не помнишь?

– Помню, помню! Хорошо, признаю. И что потом скажете им?

– «Ойпырмай, джигиты, оказывается, это было только начало представления. Я думал, что после чистосердечного признания она отпустит меня восвояси, однако, развязав веревку, Бану-Шешек взяла в руку увесистую камчу! И глаза мои узрели, что настоящее испытание еще впереди. “Ну, щеголь джигит! До каких пор будешь вот так джигитовать? Не пришло ли время остановиться на ком-нибудь? До каких

пор будешь задира́ть подол всяким девицам и разбрасывать себя на ветер?” – с этими словами, покрутив камчой над моей головой, хлестнула по земле, да так, что (для вас – вранье, для меня – правда) мать-земля раскололась надвое. Густая пыль поднялась столбом и улетела в небо выше облаков. Птицы леса с шумом поднялись в полет. От страха я света божьего невзвидел, душа в пятки ушла. Если бы ее кнут попал в меня, что от меня осталось бы?! И я, кажется, начал бормотать: “Если найдется походящий человек, я не прочь распрощаться с холостяцкой жизнью”. “Что? Говори громче!” – снова начала она крутить камчой. Спрятав голову, я сказал: “Если выберусь из этого леса живым, сделаю предложение первой же встречной девушке”. “По-твоему, девушки стадами пасутся на опушке леса? И когда ты выберешься из леса? Разве я не сижу вот тут перед тобой?” – подняла она свой кнут. “Если ты согласна, Бану-Шешек-бегим, я тоже согласен”, – пробормотал я и со страху вцепился в ее руку с кнутом. “В самом деле?” – “Да, лишь бы ты не махала своим кнутом над моей головой каждый день”, – взмолился я. “Если будешь хорошим мужем, это ни к чему. А если вернешься к старой привычке и снова начнешь джигитовать, твои дни сочтены”, – пригрозила она и, покрутив камчой, опять хлестнула по земле, подняв тучу пыли.

Джигиты, вот такие обстоятельства. Я дал слово быть хорошим мужем для Бану-Шешек, после чего был освобожден», – скажу я. – «Завтра пойдешь, чтобы пройти испытание моего отца», – приказала она. Если дочь такая, то суровый и жестокий отец, наверное, попросит джигитов наказать меня палками! Пойдете вместе со мной, будете нужны, чтобы в случае чего вызволить меня, – скажу им

Я смеялась до колик в животе. Давно я не смеялась вот так, от души, самозабвенно.

– Мой Торе, оказывается, вы брехун, – сказала я.

– Наверное, не совсем, но где-то рядом, – отшутился он.

– Только недавно вы клялись, что не умеете красиво говорить...

– Это я оправдывался перед тобой. Что только не скажет человек перед красивой девушкой?..

– Нет, мой Торе, вы, оказывается, настоящий брехун, – сказала я, насилу справившись с приступом смеха.

– Брехун так брехун. Ну, тогда, баловница Бике, расскажу джигитам, как ты начала подвергать меня испытаниям: «Бану-Шешек-бегим меня раздела и стала целовать. Хотела свалить на землю, чтобы дальше целовать. Изогнувшись всем красивым телом, прильнула и, сжимая в объятиях, целовала истово. При этом приказала, чтобы я стоял, не шелохнувшись, без всяких движений».

– Мой Торе, замолчите, уж лучше первое вранье! – сразу же прикрыла ему рот ладонью я. – Прошу вас, не говорите им об этом!

– Баловница моя! Прелестная моя Бике, сегодня я тебя и сильно насмешил, и сильно напугал, – с этими словами он закатился веселым смехом.

Вдоволь насмеявшись, он лукаво усмехнулся.

– Говоришь, что вранье, однако никакой неправды в моих словах нет. Сегодняшнее испытание оказалось для меня тяжелее, чем попытка волосяной удавкой. Это, наверное, ты сама до сих пор не поняла, – сказал он озорно.

– Почему не поняла? Мой Торе, ну-ка покажите это место, где давила удавка. Я вылечу его лаской, нежными поцелуями, – сказала я шутливо.

Мой Торе расхохотался на весь лес.

– Баловница моя! Разве ты будешь Бану-Шешек, если не заявишь так? Покажу, но только не сегодня, пока же не мучай меня, милая. Потом скажу, а дальше сама решай – воля твоя, целовать тебе или ласкать, нежить. Всю власть отдам тебе, но только не сегодня, – продолжая хохотать, он отошел от меня на несколько шагов, повернувшись спиной.

– Мой Торе, я соскучилась по вам, – я подошла к нему сзади и обняла его.

Он взял мои пальцы, прижал к груди, принялся нежно гладить их.

– Бесценный мой Торе, вынесший столько мук от меня, мой Торе, – говоря это, я прижала лицо к центру его лопаток.

– Милая моя, сегодня, вперемешку с правдой и шуткой было сказано немало всякого, – успокоившись, он сильно сжал мои ладони.

Поняв, что он хочет что-то сказать, я притихла.

– Лучшая из рожденных! Ты только не думай про меня, что я распушенный человек, бабник, при одном только виде девушки забывающий обо всем на свете. Не стану оправдываться, не стану скрывать, что было время, когда увлекался кое-кем. Как только я осознал себя человеком, я стал сильно ощущать, что мне чего-то не хватает. Если кто-то хорошо относился ко мне, проявлял любовь, моя душа тянулась к нему. В душе у меня копилась и росла тоска. Я и сам толком не знал, по ком тоскую, кого ищу. И я стал тянуться к девушкам, молодкам, особенно к тем, кто ласково улыбался мне...

– Лучше скажите: не упускал момент.

– Погоди, милая. Оказывается, я искал у них сердечное тепло, которое стало бы бальзамом для моей израненной души. Нет, не телесное влечение толкало меня к разным девушкам. Все равно я не нашел того тепла, которое искал. А они нашли то, что им было нужно. А когда я понимал, что им нужно от меня, я не жадничал. Они сами меня находили. А некоторых я находил. Так я познал долю джигита. Было время, когда я не мог остановиться...

– Перестаньте, мой Торе, ваши речи становятся слишком непристойными.

– Нет, моя бесценная. Правда заключается в этом. Правильно, чтобы ты услышала все от меня самого, – сказав это, он замолчал.

И я поняла, что он говорит откровенно о поре своей лихой разгульной молодости, чтобы очистить душу от всего этого. Сметливый же, мой Торе! В начале нашего разговора, когда он заявил: «Уж не думаешь ли ты, что я лишь считал ворон на небе, пока другие джигиты с девушками заигрывали?» – я подумала, что он произнес эту двусмысленность, чтобы у меня на душе не остался неприятный осадок.

– Если бы ты знала, как плавилась, осыпалась горячим пеплом моя душа, когда ты любовно целовала мои ладони, сплошь покрытые мозолями, мои затвердевшие, как засохшая древесина, пальцы, нежила их, словно они – воздушный шелк! Оказывается, то, чего мне не хватало и что я искал с малых лет, – это тепло материнского сердца. Я ясно понял сейчас, что это нашел в тебе, – сказал он, целуя тыльную сторону моих ладоней. – Милая моя, как мне не растрогаться, если будучи столь юной, ты смогла приютить и обогреть мою одинокую душу? И у меня, матерого мужчины, растаяла печаль на сердце, и оттого в огне признательности мне так хотелось рыдать в твоих объятиях.

Я не стала мешать Торе изливать печаль, переполнявшую сердце. Приложив ухо к его спине, где под лопаткой гулко билось сердце, словно конь, рвущийся на свободу, я сама почувствовала, как тает в огне сочувствия моя душа.

После недолгого молчания, он сжал мои руки и притянул к своей груди:

– Милая, скажи что-нибудь. Почему ты замолчала?

Я почувствовала, что мой Торе хочет, чтобы я обняла и приласкала его, сказала ему теплое слово и утешила его.

– Мой Торе, оказывается, вы плакса, – произнеся это, я со всей силы обняла его, поцеловала через одежду в середину лопаток и прижалась лицом.

Он сразу же воспрянул духом.

– Баловница моя, если хочешь целовать, целуй не одежду, а, раздев меня, – мою кожу, – озорно заявил он.

– Мой Торе, если вы желаете, могу и раздеть вас. Что вы подумали, когда я расстегнула пуговицы вашей рубашки? – сказала я, затеявая шутивную пикировку. И я опять задела его: – Небось, очень обрадовались, мол: «Эта баловница раздевает меня».

Он легонько похлопал меня по рукам, обнимающим его:

– Озорница! Я и тогда знал, что ты не опустишься ниже моей пуповины, – хитро усмехнулся он, целуя мои руки.

– А если бы опустилась ниже?

– Ну тогда сама бы и нарушила условие свое, и облегчила бы мою вину, – и мой Торе повернулся и обнял меня: – Эх, почему же ты тогда не расстегнула все мои пуговицы? – выговорив это, он принялся страстно целовать мои губы. – Если я на самом деле прошел испытание, чего же я жду? Теперь я сам знаю, что мне делать, – стиснул он меня в своих объятиях, возбужденно втягивая воздух, и впился долгим поцелуем в устье уха, словно приготовился что-то сказать. – Милая, когда вуаль слетела с твоего лица, я сильно испугался. Я был поражен твоей юностью. Твои сияющие глаза чисты, словно глаза лани. Всем своим видом ты напоминала беззащитного детеныша безвинной лани, не ведающего, что оказался перед волком. Ты была непонятна для меня. Я испугался самого себя, зная, на что способен. Тогда я подумал: «Если эта девушка станет хлестать меня камчой, мол, почему снял с меня вуаль, а потом прогонит вон, это будет заслуженное наказание от столь юной девушки для такого наглеца, как я». Однако ты не прогнала меня, – сказал Торе-джигит и, поцеловав меня, замолчал.

Замерев, я терпеливо ждала.

– Однако ты не прогнала меня... – повторил мой Торе и, выждав немного, продолжил: – А когда, поняв, что общий язык не найден, мы стали расходиться, и я протянул руку, чтобы похлопать тебя по спине и поблагодарить, ты резко дернула головой, словно дикий тарпан, и сбросила мою руку с плеч. В это мгновение ты напомнила мне вольного коня, не выносящего, когда кто-то касается его гривы. И в моей душе зародилось очень тонкое нежное, чувство, меня потянуло к тебе. Нестерпимо хотелось хотя бы понюхать твои волосы. Другого желания тогда не было. И это не было безоглядным желанием наслаждения...

Он приподнял пальцами мой подбородок и заглянул мне в глаза.

– Милая, я должен это сказать, глядя тебе прямо в глаза. Я не смотрел на тебя как бабник, женолоб, искатель удовольствий. Ты должна знать это, – сказав это, он отпустил мой подбородок и поцеловал в веки. – Когда я, захотев понюхать твои волосы, обнял тебя со спины, ты схватила меня за руку и застыла в растерянности. А когда кончиками пальцев начала робко гладить мои руки, ты дрожала, словно испуганный воробышек. А когда, осмелев, снова погладила

дрожь твоя не уменьшилась, если не стала сильнее. Лучшая из рожденных, бесценная моя, с трудом обретенная в этом мире, ведь я сразу понял, что в твоей жизни я первый джигит, удостоившийся обнимать тебя. И это тоже не было безоглядным стремлением к удовольствию. Ты была для меня словно луна на небе, недостижимая мечта.

Милая моя, ты до сих пор для меня заветная, недостижимая мечта. Как объяснить тебе это? Желая утешить меня и прибегая к шуткам, ты сама неосторожно пробудила во мне дерзкую страсть. Ты это поняла и сдерживаешь меня. И до каких пор мне терпеть еще, скажи? – выговорив это отрывисто, с паузами, он крепко сжал меня и жадно вдохнул воздух у моих волос.

Ластясь, я обняла его, прильнула всем телом. Он попятился назад.

– Шалунья моя, прошу тебя не приближаться ко мне, держаться чуть дальше. Не толкай меня на грех, – прошептал он мне на ухо с озорством.

А меня так и подмывало смеяться в ответ.

– Надо же! Как будто до этого никогда не совершали сей грех! – сострила я, рассмеявшись.

И слушая далее Торе-джигита, я поняла, что он сильно задет этими словами. Похоже, они затронули его самолюбие.

– Бесценная моя, Бике! Оттого, наверное, что слишком юна, ты еще не в состоянии как следует понять меня. В моем характере есть одна черта, которой я держусь, за что люди и уважают меня. Это честь джигита. Я не могу пойти на грязное дело, чтобы поступиться именно честью джигита. Как бы мне ни нравились девушки, я никогда не шел на то, чтобы обидеть чью-то безвинную дочь, запятнав честь той, которую родители холят, берегут, души в ней не чают. Никогда не заигрывал и с уже обрученными невестами. Хотя они и не отталкивали меня, но я не мог опозорить их. Такие поступки не к лицу настоящему джигиту, это считается тяжелым грехом. Если мне нужно было развлечься, всегда мог найти достаточно свободных, ничем не обремененных молодых и девушек. К тому же такие дела совершаются по согласию обеих сторон. Это не относится к греху, это совсем разные вещи. И то, что я верен принципам джигита, наверное, и ведет меня вперед.

– Перестаньте, мой Торе, о чем это вы заговорили?

– Слушай, милая! Раз затронула эту тему, внимай до конца, – сказал он твердо, без тени шутки или лукавства. И мне стало не по себе от холода, прозвучавшего в его голосе. – Сейчас именно это стоит нерушимой стеной между тобой и мной – твоя невинная чистота и мое слово джигита, которое я дал тебе. Если нарушу свое слово – нарушу свой же кодекс джигита. Это не свойственно мне. Я хочу сказать только об этом, – произнеся это, он замолчал.

Его руки, державшие меня, освободили свою хватку. И мне показалось, что я только теперь поняла Торе-джигита, его душевную чистоту.

– Мой дорогой Торе чище воды и белее молока, он – сама честность, – я обняла его.

– Не дразни меня, баловница моя, Бике, – сказал Торе джигит мягким голосом.

– Нет, я не дразню. После этого я не скажу ни слова о вашей чести настоящего джигита, – я прижала лицо к его груди и расплакалась. И сама не понимала, отчего проливаю слезы. Возможно, из уважения к сокровенным чувствам моего Торе.

– Перестань, милая, что это такое? – забеспокоился Торе-джигит, целуя мои веки. – Кажется, я опять напугал тебя. Мой ангел, лучшая из рожденных, драгоценность, обретенная после стольких поисков, – сказав это, он крепко обнял меня и замер.

– Душа моя, Торе! Я очень признательна за то, что вытерпели все мои шалости, мои разные шутки, серьезно отнеслись ко всему этому, как к проверке, которой я подвергла вас. Я приравниваю вас к самому хану, мой Торе. Я с уважением отношусь к вашему великодушию джигита, к твердому соблюдению данного слова. Я признаю ваше благородство джигита. Я никогда не думала о вас как о женолюбе. Не обращайтесь внимания на некоторые мои слова, сказанные в шутку ради озорства. И не обижайтесь. Я приняла вас целиком, таким, какой вы есть, с вашими вольными поступками, с разгульным поведением до меня, с вашей неукротимостью, с вашим самолюбием, с вашим природным характером, то наивным, то дерзким, – сказала я, обняла моего Торе за шею и поцеловала в подбородок.

– Лучшая из рожденных, ангел мой! Если бы ты не была подобна драгоценному камню, разве стала бы недостижимой мечтой для всех огузских джигитов?! С медовым языком, нежная моя! Джигит, не захотевший переносить твое баловство, – может ли называться джигитом? – сказал он, целуя меня в лоб.

Когда я сказала: «Если вы не против, мы уйдем сейчас...»

Торе-джигит перебил меня:

– Как не хочется отпускать тебя! Я думаю о том, что хорошо было бы провести ночь в этом лесу, стоять в обнимку, застыв, как эти деревья, встретив рассвет солнца и новый день вместе с тобой. А после этого... эх, случилось бы такое чудо, – держа под руку, ввел бы тебя в свой шатер, – размышлял он.

Он говорил искренне и страстно. По словам: «Остаться бы здесь на ночь», я поняла его истинное желание. Поэтому мне пришло в голову, что он опять хочет испытать меня. Из-за этого я снова обратила все в шутку.

– Хотя моему Торе уже сорок лет, он такой же мечтатель, как юный мальчик, – сказала я, смеясь.

– Баловница моя, это неправда. Мне еще сорока нет. Даст бог, исполнится тридцать два, – ответил он.

Я и не знала возраст Торе-джигита! Неловко было спрашивать об этом. Вот так простодушный Торе сам и выдал, сколько ему лет. А в моей голове мелькнула мысль, дескать, какая разница, сорок лет или тридцать. И я весело рассмеялась.

– Строптивница, ты смеешься, мол, какая разница, сорок лет или тридцать?! – сказал Торе-джигит и сам громко расхохотался.

Все так же, стоя друг против друга, мы взялись за руки и начали смеяться. Наш радостный смех разлетелся по всему лесу. В это время мы были беззаботными, беспечными, как маленькие дети. А на душе было так легко, так празднично.

– Баловница моя, Бике, как ты восприняла то, что я сейчас сказал? – он любовно обнял меня и поцеловал в волосы.

Говоря по правде, я была совсем не против этого. Если бы он умолял меня по-настоящему, я бы согласилась. Для меня просьба моего Торе была очень дорога, и я не нашла бы в себе сил отказать ему. Не зная, что ответить, я помолчала. Но, подумав, сказала:

– Дорогой Торе! Я хочу отсюда вернуться домой с большой радостью, что нашла лучшего из джигитов. Подарите мне эту радость...

Это, конечно, была уловка с моей стороны, я сказала так в надежде остановить Торе-джигита. Торе это прекрасно понял.

– Лучшая из рожденных, ангел мой! Птица счастья, севшая мне на руку! Если бы на моем месте такие слова произнесла ты, я бы отказал. Знаешь, почему? Ты – драгоценность, которую я с трудом нашел. Я никак не хочу запятнать твое имя. Я не могу опозорить тебя перед лицом отца и матери, заставить отца краснеть перед всем народом. У меня на это не хватит духу. Если я пойду на такой безрассудный поступок, гордый и горячий народ огузов привяжет меня к хвосту лошади и погонит на погибель в степь. Иди, баловница моя, прелестная Бике, нам уже пора возвращаться. Если мы еще останемся здесь, боюсь, я не смогу сдержать данного тебе слова, – сказал он взволнованно.

– Чего же боится Торе-джигит?

Растроганный, он крепко сжал меня в объятиях и поцеловал в шею.

– Мой нежный безвинный ангел, я боюсь самого себя.

С этими словами он взял меня за руку и повел к коням.

Первым делом отвязал моего Суржебе и, поддержав, посадил меня в седло.

Глядя на меня глазами, полными признательности, сказал:

– Баловница моя, Бике, хочу сегодня целой и невредимой передать тебя в руки твоих подружек.

На его лице заиграла лукавая улыбка, так идущая ему.

Лес уже погружался в сумерки, утопая в густых тенях. А в открытой степи по-прежнему сверкал, переливался красками ясный день. Когда мы выехали из чащи на божий свет, я вспомнила свои слова, в которых были смешаны и шутка, и правда, и от стыда не смогла смотреть в глаза моего Торе. Но когда осознала скрытый смысл слов Торе-джигита, стыд мой стал сильнее, и лицо мое словно запылало в огне.

– Торе, видно, вам хочется пристыдить меня, – подставив лицо прохладному ветерку, я пустила своего Суржебе скорой рысью.

Подскакавший сзади Торе предложил: «Давай устроим кыз-куу, пусть будет интересно» – и, подстегнув своего Акмоншака, помчался вперед. И мне почудилось, что скачет, обгоняя меня, не только резвый конь, но и окрыленная душа его хозяина, порываясь широко взмыть в голубые небеса. От осознания, какое это чудо – видеть духовное воспарение вдохновленного счастливого джигита, мое сердце бурно забилося, дыхание перехватило. И я подумала: «Сегодня Кан-Торе воспрянул духом, это день, когда его душа вскипела и расплескалась морем». Как бы ни гордился Торе-джигит, это очень к лицу ему. И видя, как бурно радуется он, осветленный чувством счастья, я ощутила, как растворяется мое сердце в горячей волне сопереживания. Мне показалось, что я знаю его целый век. Его желания были угодны моему сердцу, мне хотелось впитывать их, как медовый бальзам. Наверное, так ощущает себя душа, нашедшая то, что искала.

Когда Торе-джигит удалился на некоторое расстояние, я подстегнула своего Суржебе и стрелой помчалась за ним. И хотя могла быстро догнать его, мне несколько не хотелось хлестать его камчой. Словно замороженная видом счастливого джигита, я не осмелилась на это... Или душа из глубины подсказала, что завтра, назвавшись моим мужем, он станет для меня повелителем...

Я сняла с шеи свой шелковый шарф, хлестнула им по спине джигита, накинула ему на плечо и промчалась мимо. Сначала он, видимо, не понял, что произошло, а затем, как только осознал, держа в руке шарф, догнал меня. Обняв меня

за пояс, вырвал из седла и усадил к себе на колени. Я только успела вытащить ноги из стремян. Чтобы не выскользнуть и не упасть, я крепко обняла его за шею, устроилась надежнее. Верхом на коне нам уже было не до слов, прижавшись лицом к лицу, принялись ласкать друг друга, словно давно не виделись и сильно истосковались за это время.

Вскоре мы добрались и до моих подружек. Они зашумели, кинулись со всех сторон. И у каждой были вопросы к нам.

– Интересные вы, уехали на двух конях, а вернулись на одном. Как это понять? – принялись они упрекать меня.

– Вы что, в сосновом бору мясо варили, чай кипятили и вдоволь угощались там себе? Скажите, чем вы занимались там так долго?

– Мы уже собирались искать вас, если бы еще немного задержались, уже выехали бы. Мы испугались, что Торе-джигит украл тебя и бежал в земли кипчаков.

– Что случилось, почему вы так долго пропадали в лесу?

– Что и говорить, дорогие мои. Все было... – сказала я.

– Что значит – все было? Что вы делали?

– Чем могут заниматься юноша и девушка, когда остаются наедине? Стоит ли спрашивать об этом?

– Почему вы сняли с нее вуаль? Торе-джигит, как это понять? – напали девушки теперь на Торе.

– Упаси боже! Никакой моей вины здесь нет, зацепилась ветка сосны и сняла вуаль. Я хотел срубить эту сосну, однако Бике не позволила.

– Выходит, так?

– Да, так, дорогие мои. Как почитали меня до этого, такое же уважение оказывайте Кан-Торе-беку. Лучше поезжайте к отцу и дайте ему знать, что завтра придут к нему гости.

– Почему завтра?

– Почему не сегодня?

– Это спрашивайте у Торе-мырзы...

– Бике правильно говорит, это дело нужно оставить на следующий день, – сказал Торе-джигит.

– Бану-Шешек-бегим, что же получается, выходит, всю власть вместе с ключом от селения вы уже отдали в руки Кан-Торе-мырзы, не так ли? – не выдержала одна из подружек.

– Да, ты угадала. Это правда, что сегодня я отдала все, что полагается отдать джигиту. К чему теперь тянуть? Достаточно было того, что шестнадцать лет хранила, берегла. Не это ли хотели вы услышать? – услышав от меня такое, подружки тотчас закрыли лица ладонями, застыли в растерянности, не зная, верить или не верить услышанному.

У всех глаза были расширенными. Кан-Торе, схватившись за живот, громко расхохотался.

Он поймал моего Суржебе, оставшегося в степи, привел его на поводу и, уезжая к себе в шатер, озорно прошептал мне на ухо:

– Эх, если бы я знал, что в конце концов ты так заявишь... как я сожалею, что зря сдержал себя, когда в лесу кровь бросилась мне в голову! Моя Бегим, чем быть без вины виноватым, не лучше ли было поступить именно так? Если знала, что так скажешь, к чему было весь день мучить меня, баловница моя?!

– Мой мырза, о чем вы это? Я сказала, что дала вам обещание. О чем же вы подумали?! – набросилась я на него.

– Апыр-ай! Если ты так не увильнешь, разве будешь зваться именем Бану-Шешек? – сказал он, поняв, что бесславно проиграл в словесной пикировке, и прыснул от смеха.

Мне этого было недостаточно для торжества, в присутствии девушек я ощущала себя сильнее:

– Я же целый день была рядом с вами! Какая разница, днем раньше или днем позже – если бы упрасивали как следует, разве я отшила бы вас, – сказала я, подзадорив его и в то же время уязвив.

– Эх, эх! Ну и одернула же ты меня, – огорчился он, не зная, верить мой шутке или не верить.

Замороженный Торе-джигит, смеясь, качая головой, поехал к себе. И я видела, что он уезжает вне себя от радости, благодарный этому дню, дескать: «Бану-Шешек-бегим, если бы у тебя не был такой медовый язык, такие прелестные поступки, разве влекло бы меня к тебе с такой силой?!» Тем не менее я подумала и о том, не возымел ли он в самом деле в лесу греховные мысли? Однако душа моя не верила этому.

У моего Торе, выбранного мной, другая натура. Ясно, что он не перешагнет за грань, не нарушит честь джигита и никогда откажется от своих слов. Все же я пришла к выводу, что эти слова были сказаны под влиянием честолюбия джигита и игривого чувства.

Когда Торе-джигит, смеясь, направился к своему шатру, девушки окружили меня и засыпали вопросами:

– Какой он джигит?

– Какому испытанию ты его подвергла?

– Он джигит открытый, с легким характером. Когда смеется, смеется всей душой, раскрывая всю душу...

– Вы говорили целый день, откуда брали слова? О чем вы только что шептались?

– Торе-джигит так громко хохотал, что ты сказала ему?

– Нашли о чем спрашивать! Поскольку не о чем было кричать, мы перешептывались, – насилу избавилась я от приставаний подружек.

– Бану-Шешек-бегим, отведя Торе-джигита в сосновый бор, ты, наверное, накормила его хохотун-травой? Чтобы ты ни сказала, он хохочет до колик в животе, – наперебой говорили девушки, так и этак обсуждая моего Торе.

И тогда самая молоденькая среди нас девочка Сумбил спросила с наивным видом:

– Сестра, скажи, где растет хохотун-трава? Мы тоже хотим наесться и ходить, смеясь до колик в животе!

Что бы я сказала на это? Я только посмеивалась. Эх, мои бедные, безвинные сестры!

Глядя вслед Торе-джигиту, я чувствовала себя одинокой и печально-осиротевшей, будто он унес с собой все интересное, что было сегодня, сказанные от всего сердца душевные слова. Как же я раньше жила, когда не знала Торе-джигита? И в голове у меня мелькнула шальная мысль. Я ощутила, что готова сейчас догнать его и уйти вместе с ним в его шатер.

Словно прочитав эту мысль, старшая из подружек Саруар подошла ко мне и слегка толкнула меня в бедро:

– Бикеш, приди в себя. Что случилось с тобой, ты же вне себя! Он же сказал, что придет завтра, – и, взяв поводья, она направила коня в сторону аула.

Но даже тогда, кажется, я была не в состоянии взять себя в руки. Саруар продолжала вести моего коня.

Приблизившись ко мне почти вплотную, она глянула в мои глаза:

– Что скажешь отцу?

Я отвела взгляд в сторону. Когда услышала про отца, мне стало по-настоящему стыдно.

Саруар была включена отцом в свиту моих подружек нынче летом. Мне не нравился ее прямой характер, привычка невзирая на лица дерзко и прямо говорить то, что пришло ей в голову. Нам казалось, что и без нее хватало тяжеловатого характера Сақыш. Но когда отец сказал: «Чтобы кто-то чересчур не надерзил вам, надо, чтобы рядом была взрослая девушка с прямым нравом, требовательным голосом», – я не стала противиться. Я подумала, что отец твердо внушил ей: «Дочь моя молода, как бы по пылкости не нарвалась на что-нибудь, приглядывай за ней». Хорошо, что ее не было рядом с нами в бору, и она не стояла на карауле, словно гусак. И хотя она задела мое самолюбие, так что я сразу насупилась, тем не менее, не отвечая на слово словом, я взяла поводья в свои руки и подхлестнула коня.

Когда мы были уже в ауле и собирались расходиться по домам, она подъехала ко мне и как-то тепло взглянула на меня.

– Бике, я сама скажу отцу, что джигит, который прошел испытание Бану-Шешек, завтра придет, чтобы почтить его. А ты с этим своим видом лучше никому не показывайся, иди к себе, приведи себя в порядок, – посоветовала она.

Мне опять это не понравилось. Саруар же окинула взглядом девушек, которые были рядом со мной, и сказала им:

– Ну, сестрички, сегодня вы немало гуляли. Пусть Бану-Шешек отдохнет. А вы готовьтесь, как следует, чтобы завтра встретить жениха подобающим образом.

Так подбодрив девушек, она отпустила их.

Придя в свои покои, я вспомнила слова Саруар и задумалась: «Что же случилось с моим видом?» – с этой мыслью взяла бронзовое зеркало, купленное отцом в одном из караванов, пришедших издалека, и внимательно осмотрела себя. На моих щеках пылал румянец, в глазах переливался возбужденный блеск, лицо было словно озарено счастьем. Тонкие мои губы вспухли, а верхняя губа даже немного выступила вперед. Видя это, я вынуждена была признать, что предостережение Саруар было верным.

Как хорошо, что я сегодня не пошла к отцу! Я лишний раз убедилась в бдительности бедовой Саруар, которая, как говорят, учуяла бы даже неподвижную змею. Она сразу заметила изменения в моем облике. «Чего только не знает эта ведьма Саруар!» – подумала я. И сама не поняла, что это было: признательность с моей стороны или смущение от того, что она проникла в мою тайну.

Подойдя к медному тазику и кумгану с изогнутым сливом, стоявшим в углу, приготовилась умыться, но в это время вошла моя младшая мать. Приглядываясь, она окинула меня внимательным взглядом. Поняв, что у меня кружится голова от счастья и что одновременно я словно горю от стыда, она взяла в руки кувшин.

– Мойся, я помогу.

Не в состоянии смотреть ей прямо в глаза, я сказала:

– Апа, я вернулась целой и невредимой.

– Айналайын, дитя мое, я очень рада. Ну-ка, скажи, как прошла встреча? – спросила она.

– Апа, что и говорить? Все, что вы говорили, сбылось. Он изо всех сил старался подчинить меня своей воле, и борьба умов была долгой.

– Говорила же, если он возмужалый джигит, он не удовлетворится поцелуями и прикасанием рук. Во что бы то ни стало ему нужно удовлетворить желание, хорошо, что ты сумела дать отпор ему.

– Апа, кажется, от меня запах Торе-джигита идет от меня. Как устранить его?

– Да, я чувствую его. На, вымойся этим степным мылом, – сказав это, она вынула из кармана твердое, как точило, мыло с резким запахом.

– Это что?

– Оно отгоняет джиннов-шайтанов. На мужской запах летят на человека джинны-шайтаны. Сначала избавься от этого запаха. Руки, щеки, – все места, где побывали его губы, хорошо помой этим мылом. Горло, подбородок, грудь – все помой.

– Перестаньте, апа. Моей груди не касались не только губы, но даже его руки.

– Это, конечно, хорошо. У джигитов ведь есть плохая привычка хватать груди девушки. Если у него нет такой привычки, похоже, он действительно благородный джигит.

– Зато на моем лице не осталось места, где не побывали его губы, даже целовал мои уши, покусывая их.

– Ничего страшного. Помой этим мылом. Конечно, как ему было вытерпеть, как не целовать, если перед ним стояла столь красивая и свежая, как заря, девушка?! Пригладь свои волосы мыльной водой.

Я тщательно вымылась, вытерлась, подошла и присела на край кровати.

Младшая мать расплела мне косы:

– Завтра подойдешь к отцу, а ведь он захочет поцеловать тебя, надо, чтобы ото лба, волос не исходил чужой запах, – сказала она и влажным полотенцем старательно вытерла мои волосы.

– Апа, что я завтра скажу отцу? – спросила, я волнуюсь.

– Смотри, не брякни ненароком: «Отец, я выбрала этого джигита и, что бы вы ни думали, выйду за него замуж». Осторожно предложи ему, пусть сам решает: «Этот джигит, похоже, живет за счет своего труда, никому ничего плохого от него нет. Поговорите с ним сами. Если сочтете, что он не ровня мне, я не буду против. Воля ваша, я послушна вам». И не перечь ему, пусть он сам решит, – сказала она.

После этих слов младшей матери на душе стало легче.

Утром я зашла к отцу на утренний чай и почтительно приветствовала его. Отец погладил мои волосы и поцеловал меня в лоб. За чаем он испытующе посмотрел на меня, было видно, что ждет от меня чего-то.

– Отец, сегодня к вам зайдет один джигит, чтобы почтить вас, – сказала я, а затем повторила все то, чему учила меня младшая мать вчера.

Отец сильно задумался. Мне стало жалко его, я расчувствовалась, сердце словно чем-то раскаленным сжало, а в глазах закипели слезы. Похоже, он был совсем не рад, что дочь достигла совершеннолетия.

«Жалей отца. Думаешь, легко отдать в чужие руки дитя свое, возвращенное и взлелеянное с малых лет? Это же плоть от плоти, все равно, что отрезать живой кусок от себя», – вспомнились слова кормилицы.

Я встала, подошла к отцу, обняла его за шею и сказала:

– Отец, нельзя ли мне не выходить замуж, а по-прежнему оставаться дома?

– Нет, милая, так не говори, – глубоко вздохнув, ответил отец.

И я вспомнила слова младшей матери, которая объяснила мне причину того, что отец заторопился с моим замужеством: «Мы готовимся к большой откочевке на другие земли. Если в каком-то доме есть девушка на выданье, народ замечает это сразу. К тому же Бану-Шешек – писаная красавица, кто же не положит свой глаз на нее? Отец боится, что в чужих странах могут встретиться такие наглецы, для которых отнять дочь у проезжего силой – все равно что раз плюнуть. В открытой степи часто встречаются разбойники. Поэтому родители, пока еще пребывают в среде своего народа, хотят проводить дочь на уготовленное судьбой место. Этому ты не противься. Они же доверили тебе самой найти джигита. Так найди такого, чтобы потом не жалела об этом!»

– Нет, милая, так не говори, – повторил отец. – Кто знает, что ждет нас впереди? Надо, чтобы рядом с тобой был мужчина, который сможет защитить тебя. И тогда я буду спокоен, – сказал он, поцеловав меня в лоб.

ДЕНЬ ПОЯВЛЕНИЯ ЖЕНИХА

Вскоре в сопровождении двух джигитов явился Торе-джигит. Поначалу я с подружками приняла его у себя сама. Девушки, окружив Кан-Торе, начали по обычаю шуточно досажать ему.

– Торе-мырза, у вас много долгов перед нами! – взялась за дело Сақыш.

Ойпырмай, эту Сақыш только пусти спорить!

– Как это я оказался у вас в долгах? – недоуменно спросил Торе.

– Как это так, ведете себя, словно ни о чем не знаете! Вы же сняли вуаль нашей Бике, увидели ее лицо. А где подарок за смотрины?

– А-а, есть, оказывается, такой долг?

– Еще какой! Эх, бедняга, выходит, не подозревает об этом! Это – одно. Вы были далеко от нас, но глаза же у нас зоркие, сердце бдительное. Вы же держали за руку Бике? Держали. А где плата за это? Мой дед Коркут говорил: «Без калыма девушка может быть, но не бывает невесты без выкупа-каде».

– Сақыш, когда Коркут-ата произносил эти слова, ты стояла рядом? – не выдержав, вмешалась Айкыз.

– Нет, Айкыз. Слышала от старших.

– Ну, тогда и скажи, что так говорят старшие. Не вставляй имя Коркут-ата в любую речь. Мы все знаем, что Коркут твой дед.

– Девушки, не перебивайте! Это же просто хитрость с моей стороны, мол, если напугаю именем Коркут-ата, жених даст нам больше выкупа-каде. Не понимаете этого, что ли? Торе-мырза, вы же гладили волосы Бике? Гладили! А где плата за это?

Я сидела, как на иголках, все мысли были об одном: «Эх, как бы Сақыш не испортила все, вцепившись в джигита с требованием, мол, где калым, где дары в тканях и в хорджунах в сорок семь предметов..»

Кан-Торе встал, открыл хорджун, пристроенный в углу, и, вынимая из сумы, вручил Сақыш разные предметы, тут же привлёкшие внимание девушек: гребенки, зеркала, мази для кожи, ароматическую воду, кольца и браслеты.

– Эта сестренка, как будто сама стояла рядом, все называет точно! Пока не осрамила меня, лучше я отделаюсь от нее выкупам, – шутливо сказал он, и девушки закатились смехом. Видимо, вспомнили вчерашние мои слова.

Сақыш вывалила подарки на пол.

– Ну, девушки, разделите меж собой эти вещи, берите, кому что понравится, – сказала она. – Эй, жездеке, этим вы не откупитесь от нас.

– Какие еще долги остались у меня?

– Зятек, там на улице хлопчут женгей, разделявают мясо, чистят требуху, заваривают чай возле очагов, разве им не причитается их доля? Их не обманете такой мишурой и побрякушками. Ну-ка, показывайте, что у вас припасено? – не отступая, тараторила Сақыш.

Кан-Торе опять встал, подошел к хорджуну, вытащил рулон материи и сверток платков, вручил Айкыз со словами:

– Это отнеси и отдай женге.

– Подожди, Айкыз! Им не следует все отдавать. Передай платки Саруар, пусть раздаст девушкам. А женге достаточно рулона материи! – сказала сведущая во всем Сақыш.

– Зятек, вчера, когда мы посетили шатер, вы, красиво подбоченясь, утверждали, что не делаете кольца и браслеты, откуда же вы взяли все эти вещи, ослепляющие глаза блеском?

– Эй, сестренки! Неужели вы думаете, что я до сих пор только считал ворон в небе?! Я человек, который несколькими своим друзьям сосватал невест. Был другом жениха у некоторых на тое. И мне не раз приходилось видеть, как они оказывались без вины виноватыми из-за азартной дележки таких сестреночек, как вы. Как говорят, «день, который был сужден быку, ждет и телка», зная это, я заранее собирал эти вещи для вас, сестренки. Эти вещи предназначены вам. Пусть наступит и ваш день счастья!

– Ваше пожелание верно, однако если у вас есть неженатые друзья, было бы лучше заявить им, что есть сестренки на выданье.

– Правильно. Скажу, скажу! – так Кан-Торе с трудом избавился от пристававший девушек.

В это время примчался посыльный.

– Отец приглашает в большой дом за свой дастархан.

Мы поднялись и направились к большому дому. Я заметила, что Кан-Торе потерял ту смелость, с которой перешучивался с моими подружками, шел неуверенно, все время оглядываясь. Один из его друзей нес хорджун. Горячая волна сочувствия обжигала мое сердце: как же было ему не волноваться, ведь он один выполнял столько обязанностей: и жениха, и свата!

Отец встретил гостей очень радушно, с искренней радостью, на его лице светилась широкая улыбка. Он расспросил Кан-Торе о его племени, об известных и видных людях его рода. Кан-Торе назвал их, отец удовлетворенно кивнул головой, дескать, знает некоторых из них.

Мать же вела себя иначе: как была хмурая, недовольная с момента нашего появления, так и продолжала быть молчаливой, нелюдимой. Неразговорчивая,

замкнутая, она излучала холод. Причина ее недовольства была мне непонятна: или жених не понравился ей, или был какой-то другой повод. И мне пришла в голову мысль, что среди прежних сватов были те, кто оказался по нраву ей. Но что делать, если отец какого-то жениха приглянулся ей, а сын оказался мне не по душе? Все же не стоит падать духом, переживать, когда меня поддерживает отец. Я ведь получила от него разрешение, когда попросила: «Жениха выберу сама». Поэтому спокойно, ни на кого не оглядываясь, вошла в покои отца и, как его любимица, баловница, уселась на почетное место за дастарханом.

Принесли большие блюда с горячим мясом. Люди приступили к еде. Прежде чем были унесены остатки угощения, Кан-Торе встал с места, подошел к матери.

– Апа, сегодня было бы мало накинуть на ваши плечи соболью шубу. Даст Бог, это еще впереди. Пока же примите, что есть, – сказал он и преподнес ей серебряные серьги в виде полумесяцев, перстень с вставленными крупными зернами агата, накинул ей на плечи белый шелковый платок, похожий на мерцающий разлив. И со словами: «Это ваша доля» положил перед младшей матерью еще один белый шелковый платок и увесистый серебряный браслет с густым орнаментом.

Развязав узел, положил перед отцом крупный слиток серебра величиной с копыто жеребенка.

– Ата, пусть это немного, но примите со свойственным вам благородством, помня, что это только начало. Если чего-то еще не хватает, буду жив и здоров, к этим дарам моим присоединятся и другие, – сказал Торе-джигит.

– Хватит и этого, дорогой. Ты уважил нас, наши обычаи, этого достаточно. И это немалый вклад для того, кто понимает, – сказал отец и сердито покосился на мою мать.

Он, конечно, видел, какая хмурая, раздосадованная сидит она. Взволнованный отец произнес длинное благословение сначала в честь Кан-Торе, потом внесенным блюдам.

«Да будет открытым твой путь, расти и расти, милоч», – то и дело повторял он с довольным видом.

Когда принесли чай, мать перестала хмуриться, ее брови разгладились, смягченное лицо посветлело. И в покоях отца стало словно веселей, радостней. Чай пили в приподнятом настроении.

Мне было беспокойно. Я переживала, что сметливый Кан-Торе, видевший в жизни многое, привыкший угадывать чувства людей, заметит недовольство на лице матери. Однако, оживленный и радостный, он ничем не дал знать об этом. Подарки можно было раздать и за чаем. Но, как я интуитивно поняла, он провел ритуал даров за мясом, главным образом, чтобы развеять холод на душе матери. И сделал это безупречно. Еще я подумала: «Смотрите-ка, дарить он начал именно с матери». Он очень чуткий. Мне было по душе, что он смог всем угодить, умело раздав дары, – этому способствовало и то, что он в жизни кое-что видел, многое взял себе на заметку. Догадливый же он, сообразительный.

Заканчивая чаепитие, отец, волнуясь, сказал:

– Ну, Бану-Шешек, милая! Завтра утром натяни свой лук и пусти стрелу. Пусть соберется народ и поднимет кров твоего отау. Торежан, как мы видим, сын благородных и родовитых отцов, которым можно гордиться. Пусть его шатер будет внутри аула, а не вне его, это не к лицу нам. Пусть Бог благословит вас на

счастье. Пожилые отец и мать желают вам только хорошее, вот вам наше благословение, милые мои.

Отец не мог скрыть своего волнения. Я тоже была готова расплакаться. Почувствовав это, Кан-Торе нажал на мое колено, призывая к спокойствию. А я мягко погладила его руки. Сидя в дорогих моему сердцу покоех отца, я все время думала только об уединении с моим Торе. Мне так хотелось шутить с ним, ластиться и лнуть к нему...

Радость, душевная окрыленность, увиденные мной и пережитые с Кан-Торе за эти два дня, столько веков после питали мою душу жаром воспоминаний. В моей памяти навсегда остались даже самые незначительные мгновения тех дней...

Запечалился дух Бану-Шешек, тоскуя по далеким временам. Долго сидела она так в лаборатории, глядя на жемчужные бусы, найденные в погребении. И опять вернулась в мыслях в прошлое.

...До сих пор помню: мне исполнилось тринадцать лет, отец и мать решили одеть меня как девочку. Не желая надевать платье, я доставила им сильные хлопоты. И тогда младшая мать сшила из различных красивых тканей платья, бешмет, камзол, и они заинтересовали меня. «Смотри, какая ты стала красивая! Тебе к лицу именно такая одежда», – такими словами она уговорила меня носить платье.

В это время в нашем ауле остановился караван, пришедший издалека. Однажды глава каравана зашел почтить отца.

– Алдияр, господин! Примите это как дар Бану-Шешек-бегим, прилагающийся к смотринам в ее новом платье. Это драгоценные камни, называющиеся морскими жемчужинами. Они защищают от сглаза и порчи. Их надо пришить к ее тюбетейке.

С этими словами он подал шкатулку, полную белых жемчужин.

Младшая мать, кропотливо трудясь, нанизала эти бусы в множество нитей в полпяди длиной, затем разделила их надвое и заплела в пряди. Затем пришла их к моей тюбетейке – так, чтобы свисали с обеих сторон.

– Их называют шекелик. Только не убирай их, – наставляла она.

Когда я выходила на улицу, эти жемчужные пряди на висках, поблескивая на солнце, переливались, словно струи воды, текущие со склона. Они мне так нравились! А когда я бежала, они, завиваясь, бились о мое лицо. В те времена они мне казались крупными, словно луковицы. Кто знает, быть может, так воспринимало их мое детское воображение?!

А сейчас, пролежав десять веков во тьме под землей, они, конечно, потускнели, потеряли блеск и уже не кажутся такими крупными. Но все же, что ни говори, свидетели ее детства, они так дороги сердцу! На глазах закипели слезы, не в силах оторвать взгляд от бус, Бану-Шешек долго смотрела на них.

Скоро рассвет. Девушке захотелось опять войти в сон Шыракбека, чтобы поговорить с ним. Шыракбек же крепко спал.

– Батыр-джигит, проснись! Я пришла, чтобы ответить на твой вопрос, отчего я погибла...

– Бану-Шешек, ты пришла? Ну, расскажи, что произошло? – сказал Шыракбек во сне.

ОТРАВЛЕННАЯ СТРЕЛА

Когда той закончился, а мы вошли в свой отау, дозорные сообщили моему отцу: «В степи за аулом начали собираться джигиты огузов, вооруженные дубинками. Якобы они говорят: “Не отдадим одинокому кипчаку-однолошаднику увезти нашу сестренку”. Эти слухи появились не зря. Будьте бдительными, если молодые ненароком выедут из аула в степь, пусть у коновязи стоят готовые лошади. Лучше заранее принять все меры».

Услышав это, я невольно вздрогнула, дрожь, словно от мороза, пробежала по телу. Отец особенно не беспокоился. Он считал это пустыми угрозами наглецов, которые от нечего делать слоняются меж аулами.

– Здесь у холмов будут караулить разъезды моих сарбазов. Они не пустят в аул чужих людей, – сказал он.

Это, видимо, было сказано, чтобы успокоить нас. Все же на всякий случай я привязала к коновязи своего коня Суржебе и скакуна Кан-Торе – Акмоншака.

Мне не давал покоя страх, что молодчики, хвастливо называющие себя джигитами, влюбленные в меня, навлекут беду на моего Кан-Торе. Утром следующего дня в предраассветных сумерках послышался топот большого количества конских копыт. Видимо, враги решили напасть до зари, в то время, когда люди обычно крепко спят.

Я проснулась от нарастающего грохота копыт, от которого земля, казалось, сотрясается и прогибается. Я собрала разбросанную одежду Кан-Торе, разбудила его и заставила одеться. Одна мысль была у меня в голове – спасти моего Торе. Я боялась, что он может попасть в руки идущих в атаку сорвиголов. Меня мучил страх, что они могут убить моего Торе.

Бедный мой Торе, доверчивый, как ребенок, с чистой и открытой всем душой! Я молилась Богу, чтобы гнев небес за то, что я, устроив испытания, о которых люди раньше не слышали, осмелилась выбирать жениха, не задел ненароком Кан-Торе. Если мы просим Бога, он же воздает нам...

Дух Бану-Шешек-бегим, вспоминая события того дня в подробностях и пропуская их перед мысленным взором, погрузился в скорбь. Шыракбек же видел все эти события в своем сне.

– Проснись, мой Торе, этот грохот неспроста!

Не успела я растормошить Торе, как появился дозорный отца. Сообщив, что сюда скачет большая группа всадников, он исчез.

– Ну, мой Торе, садись на Суржебе, скачи к холму, где находятся сарбазы отца. Скажи им: над вашей сестренкой нависла большая опасность. А я сяду на Акмоншака и уведу их за собой в другую сторону, – сказала я.

– Моя Бегим, как я отпущу тебя одну! – не решаясь на такой поступок, возразил Торе-джигит.

– Мой Торе, я смогу защитить себя! Пока ты приведешь сарбазов, буду обороняться. Они же – люди из моего рода. Надеюсь, мне ничего плохого не сделают, – ответила я.

Наскоро одевшись в мужскую одежду и закрутив волосы на голове в пучок, я надвинула шапку на лоб. Сделав это, села на Акмоншака и сказала:

– Ну, жануар, надо спасать твоего хозяина.

Я направила коня на окраину аула. Чтобы оставить заметный след, рысила туда и сюда. Пока Кан-Торе на Суржебе не перевалил через холм, изображала человека, не знающего дорогу, и кружила вокруг аула. А когда увидела, что за моим Торе нет погони, опрометью поскакала в степь. И сразу услышала грохот погони, устремившейся за мной.

– Акмоншак, друг моего Торе, спаси меня от гибели!

Я прильнула к гриве коня, а из глаз градом покатились слезы. Оглянулась назад и увидела приближающегося ко мне всадника. Из-за голенища сапога вынула кинжал и взмолилась богу: «О, Боже, пусть он подъедет с правой стороны». Подъехав с правой стороны, он взмахнул дубинкой, я же острый, как бритва, кинжал нацелила в сторону груди вражеского коня, а рукоятку уперла в бок своего коня и придержала его за узду. Когда конь преследователя вырвался вперед, кинжал срезал с его груди полосу кожи, животное с диким ржанием кинулось прочь, а всадник скатился с него и исчез в траве.

Я мчалась во весь опор. Впереди бескрайняя широкая степь. Мне надо было кануть в просторах. В голове была одна мысль: «Если Акмоншак будет мчаться во всю прыть, возможно, мне удастся оторваться от преследователей».

Послышался топот еще одного коня. «Как мне с ним быть?» – подумала я. В хорджуе лежал короткий железный посох, я взяла его и изготовилась. Когда всадник поравнялся со мной, со всей силы ударила посохом по его колену. И поняла, что хотя не сломала кость, все же повредила ему коленную чашечку. С истошным криком он свалился с коня.

Я уже отдалилась от аула. Сзади донесся стук копыт. Я не стала оглядываться. Вся моя надежда была – Акмоншак. Не успела я подумать, что врагу не догнать меня, как с правой стороны под лопатку что-то сильно ударило, затем вонзилось, и рука начала тяжелеть. «Стрела!» – вскрикнула я. Если стрела не задевает важный орган, обычно от нее человек не умирает. Натянув поводья, я оглянулась назад. Раскачиваясь в седле, летел на меня еще кто-то. В руке он держал лук. «Это он стрелял». Я спешила и стала ждать.

Когда он приблизился, крикнула:

– Ай, подонок, ты почему стрелял в спину? Если ты мужчина, иди сюда. Я заставлю людей плакать по тебе.

Я взяла кинжал, собралась с силами и выпрямилась. Он не подъехал, а опасно свернул в сторону. Я же сняла шапку, и коса выскользнула и упала мне на грудь.

И тогда он меня узнал, и на его лице заиграла хитрая издевательская ухмылка. Больше всего на свете я не любила такой гнусный смех. Смеющиеся губы говорили одно, а глаза – совсем другое. Так и сейчас, хотя на губах была легкая улыбка, глаза едко усмехались, дескать: «Посмотрим, какая ты героиня». Не успела я подумать, почему он усмехается, как перед глазами потемнело, земля поплыла из-под ног. Затем до меня дошло, что земля на месте, это я падаю. И я догадалась, что стрела протравлена ядом. В те времена жители берегов Сыр-Дарьи, охотящиеся в густых зарослях камыша на таких опасных животных, как тигры и рысь, нередко смазывали кончики стрел сильным ядом. Но я не слышала, чтобы такая уловка использовалась против человека. И вот теперь этот яд применен против меня. Кто же до такой степени ненавидел меня? Или это один из жени-

хов, не прошедших испытание, затаил мечь? Или эта моя злая судьба доконала меня? «О, Боже, если это смерть, посланная тобой, приму ее без ропота. Все, что от Бога, истинно. Только одна просьба есть у меня, дай же силы высказать ее... О, Боже, пусть будет жив и здоров мой муж Кан-Торе, мечта моя, любовь моя незабвенная. Один как перст он на свете, пусть будет жив он», – моля об этом, я проливали слезы.

Увидев, как в это время появился мой Кан-Торе, как он догнал и свалил с коня мерзавца, я пробормотала: «Слава богу, жив он, жив».

Он прискакал, спрыгнул с коня, положил меня ничком, разорвал одежду, вытащил стрелу. Лег рядом со мной и начал высасывать кровь из раны, сплевывая ее в сторону. Я же с того мгновения, как он появился рядом, начала погружаться во тьму.

Какой-то пожилой мужчина, державший меня за руку, сказал:

– Все, Торе, все. Дальше опасно для тебя самого, яд успел проникнуть в кровь. Будьте мужественны. Бану-Шешек-бегим ушла от нас, ее дух покинул тело...

Мой Торе содрогнулся в рыданиях, упал на землю и начал стучать кулаком.

– Торе мне, остался я совсем один! Отправила меня сообщить о нападении, а сама приняла смерть, посланную для меня, лучшая из рожденных, единственная моя!

С небес я видела, как рыдает он, и сама заливалась слезами...

– Вот так, совсем молодой, я покинула обитель жизни, Батыр-джигит. Ты же хотел узнать это.

– Ну, а Кан-Торе, что с ним было потом? – спросил Шыракбек, не выдержав.

– Если хочешь знать, слушай дальше.

Под тяжестью горя такой могучий джигит, как Торе, за короткое время осел в росте, сгорбил и постарел. После моих похорон и поминок он стал похож на бессловесного черного призрака, слоняющегося без цели. Люди пугались его вида.

После семидневных поминок он пришел к могиле и долго сидел один, читая молитвы. Слезы ручьями текли по щекам, омывая его лицо. Он не вытирал глаза, поэтому не видел, как слезы капают на могильную землю. Он долго ходил вокруг могилы, думая о чем-то. Я не могла понять, о чем он думает. Через два или три дня он начал подвозить к могиле камни и кирпичи. И тогда я поняла, что он собирается воздвигнуть над могилой мазар. Я вспомнила, как в лесу озорно попросила его: «Построй для меня укрепление». Наверное, зря я тогда просила его об этом... Теперь мой Торе собирался поднять надо мной обещанное укрытие. Всё в руках Бога...

К сорока дням Торе полностью закончил мазар. На ночь он оставался возле могилы. Не брился, не подстригал бороду. Всклокоченные волосы росли, как придется. Он так похудел, что от него остались кожа да кости.

Когда сооружение было закончено, проведены сорок дней, прочитаны специальные молитвы, я вошла в его сон. До этого не решалась. Боялась, что напугаю его, и к печали добавится новая печаль. Я ждала, когда он обвыкнется с моим отсутствием и успокоится.

Во сне я пришла и села рядом с ним. Я ласково погладила его руку, лежавшую поверх одеяла. Я же так любила гладить его руки...

Он сразу почувствовал мое появление и заговорил во сне:

– Бану-Шешек-бегим, это ты, ты пришла? Я знал, что ты придешь.

– Мой Торе, я всегда рядом с тобой! Днем – в твоём сердце, ночью – во сне.

Знай это, – сказала я. – Ну, а теперь спи спокойно, я рядом с тобой.

И он заснул безмятежным блаженным сном! А я, растроганная, сидела рядом и смотрела на него до самого утра. Ласково гладила по лбу, волосам.

– Мой Торе, пока не рассвело, я должна вернуться в вечный мир. Завтра снова приду. Хорошенько отдохни, – сказав это, я вознеслась.

Проснувшись, он стал искать меня, долго сидел, не зная, наяву это произошло или во сне. В конце концов понял, что это был сон. После этого приободренный, с окрепшей волей, он встал, побрился, постриг бороду, привел в порядок свою одежду. Выйдя из дома, вычистил, вычесал хвост и гриву Акмоншака, долго гладил его. В этот день он хорошо поел, выпил чаю. Я поняла, что в нем пробудилась какая-то сила. Я думала о том, что должна вывести моего Кан-Торе из подавленного состояния и вернуть его в прежнее расположение духа. «Оттого, что я покинула мир, ты ни за что не должен погаснуть, дорогой мой», – хотела я влить ему в душу эту решимость. Мне хотелось сказать ему, чтобы он стал опорой для моих пожилых родителей. Меня мучило осознание того, что я не смогла стать поддержкой и радостью для них. Мне было жаль их. Эх, если бы мой Торе понял это. И я решила еще раз войти в его сон, поговорить и поручить отца и мать его заботам.

В ту ночь он лег спать рано. В полночь, когда крепко спал, я постаралась войти в его сон. Я боялась, что если он проснется, то сильно испугается.

– Мой Торе, ты спишь? Спи, – сказала я.

Он что-то простонал и повернулся на другой бок. Я села рядом. Мой Торе задышал ровно, продолжая крепко спать.

– Торе, я сегодня хотела спросить у тебя, как мои старые родители? Каково их состояние?

Он заговорил во сне:

– К чему спрашивать об этом? Можно сказать одно: еле-еле душа в теле.

– Мой Торе, теперь ты будешь для них опорой, а кто еще? Возьми все трудные дела на себя, присматривай за скотом. Хочу сказать тебе об этом.

– Бегим, отец же сильный духом человек. Он разузнал и нашел род, которому принадлежит подонок, стрелявший в тебя, и обратился к степным биям. Оказывается, есть особое наказание за непростое, умышленное убийство. К тому же выстрел отравленной стрелой приравнивается к тяжелому преступлению. Это дело будет обсуждаться на совете биев. Должны выплатить кун за убийство. В точности не знаю. Помни, что есть твой отец, требующий ответа – кун за тебя. Пусть Бог даст силы твоему отцу.

– Мой Торе, не оставь без присмотра отца и мать на старости лет. Чтобы не обидел их еще кто-нибудь другой. Чтобы не разодрали и не унесли по частям их имущество, как дикие звери, мало ли обид они видели до этого, пусть их старость будет спокойной и к болезни не прибавится боль страдания.

– Бану-Шешек-бегим, о чем ты?! Если они сами не прогонят меня, у меня нет причин покидать их! Пусть твой дух будет спокойным, лучшая из рожденных. Пусть душа твоя пребудет в раю, бесценная моя, – сказал он, проливая слезы.

Я вытирала его слезы, утешала его. Долго гладила его руки, целовала, сидела рядом. Он спал крепким, глубоким сном. На рассвете я вернулась в обитель духов.

На следующий день после завтрака отец пригласил моего Торе в свой дом. Расспросив его о здоровье, делах, отец приступил к главной теме:

– Сын мой, ты воздвигнул мазар над могилой Бану-Шешек. Рахмет! Ты же еще молод, сын мой. Вслед за умершим никто не отправляется на тот свет, милоч. Если ты не осмеливаешься сказать нам об этом, мы даем тебе разрешение, сынок. Сам решай, отправляться тебе домой к родичам или в другие края. Мы тебя ни в чем не обвиняем. Видимо, на все была воля Бога. Это с одной стороны, а с другой – то было решением чистой, как ангел, нашей милой дочери. Мы должны это признать. Ты возмужалый джигит, которому можно было бы сказать: «Будь моим сыном!» Это моя дочь, верблюжонок мой, умела среди многих выбрать стоящего человека. Бану-Шешек, почувствовав опасность, надвигающуюся на тебя, хотела спасти тебя от нее. Она не думала о том, что соплеменники поднимут на нее руку гибели. Какая тут твоя вина? Или в том, что ты хотел стать другом моей милой дочери? Что поделаешь, это я воспитал дочь с таким чувством справедливости, с цельной честной душой. Она обычно не сворачивала с выбранного пути. Все получилось из-за ее характера. Что говорить об этом? Ты же все видел собственными глазами.

Торе подошел к моему отцу, опустился на колени и долго сидел, судорожно рыдая.

– Ата, еще не поздно сказать мне, что я стал причиной гибели Бану-Шешек или косвенно подвел ее к этому. Вот моя голова, вот моя душа, я в ваших руках, можете осудить меня. К тому же за мной нет никого, кто мог бы требовать кун за меня. Однако прошу не прогонять меня, ата. Если будет вам угодно, стану вашим сыном, если нет – буду рабом вашим. Зимой стану для вас лесом, прикрывающим от ветра, если нападет враг – буду для вас защитой. Только прошу вас не прогонять меня. Только одна просьба есть у меня – остаться в доме-отау Бану-Шешек. Я знаю, что дух Бану-Шешек бывает здесь. Два раза видел ее во сне. Вчера во сне она спрашивала меня о вас. «Как там мои старики? Я не смогла стать опорой для моих родителей, теперь ты должен стать поддержкой для моих стариков», – так плакала она, а ее слезы жгли мою душу. И я сказал ей: «Не переживай, я присмотрю за стариками. Куда мне еще идти, если уйду от них?» Все это – святая правда, никакой выдумки здесь нет. Я дал слово духу Бану-Шешек. И не могу от него отступиться. Если отступлю или задумаю другое – разве не проклянет меня ее дух?

Отец был сильно взволнован этими словами и, затосковав, погрузился в думу. Мать безмолвно плакала.

Через некоторое время отец сказал:

– Сын мой, мне все понятно. Ты принес нам весть от нашей милой Бану-Шешек, передал ее решение. Иди, занимайся своим делом. Считай, что этого разговора не было. Ты теперь как сын мне, пришедший на место дочери моей. Можешь жить, сколько хочешь, в доме-отау Бану-Шешек. Это ведь и твой дом. Мы поставили его для вас двоих. У нас не было в мыслях прогонять тебя. Поскольку мы старшие, наш долг сказать об этом. Или, ты считаешь, что мы собрались бежать прочь от готового сына? Или в наших силах из глины вылепить дитя? С самого начала мы нуждались в ребенке. По милости Аллаха мы были вознаграждены лучшим из первенцев. Мы были счастливы. И пока ей не исполнилось шестнадцать лет, баловали ее, души не чаяли в ней.

Байбише, перестань плакать, благодари бога. Разве мало радости дала нам Бану-Шешек? Ну а теперь считай Кан-Торе не зятем, а родным сыном. Разве не сам Бог, а потом Бану-Шешек ввели в наш дом Кан-Торе? Подумай об этом. Если Бог забрал нашу дочь, то вместо нее дал нам сына. А теперь думай так: «Родила сына в готовой одежде, не вынашивая девять месяцев, не рожая в муках, сотрясающих чресла». Думай так и заботься об этом сыне. Корми его лучшей едой. Разве мы с тобой не сможем заменить ему отца и мать, потерянных им в детстве? Разве у нас это не получится? Получится! – повторял он твердым и полным решимости голосом.

Это он делал для того, чтобы потом не было никаких кривотолков и недомолвок. Мать, хорошо знающая характер отца, быстро поняла это. Плача, она сказала:

– Повелитель – вы, что скажете, так и будет.

Это было ее согласием. Она сказала смягченным голосом:

– Иди сюда, светик, – и поцеловала Кан-Торе в лоб.

Видя все это и слыша такие слова, мой дух, как никогда, возрадовался.

«Как хорошо ты сделал, мой Торе, лучший из рожденных! Беспредельна чуткость твоей души, острота твоего догадливого ума. Как легко ты уговорил моих родителей! Теперь мне не о чем беспокоиться, переживать за родителей», – с этими радостными мыслями я вернулась в обитель духов.

Однако пока не побываю в своем доме-отау, не увижу моего Торе, какое-то время я не могла найти успокоения. Я все время тосковала по его доброй, открытой натуре, радостному сердечному смеху, по его щедрому, благородному характеру, решительности и непоколебимости джигита. А он неуклонно превращался в неузнаваемого, чужого человека. Замкнутый, молчаливый и грустный, он ни с кем не разговаривал. Единственное, что его занимало, – заботы о скоте моего отца. В свободное время резал, тесал камень, воздвигая крепость. Словно вымещая свою боль на камне, он неустанно колотил глыбы и раскалывал их.

– Батыр-джигит, слышишь? Ты нашел внутреннюю крепость города, который раскапывал. А ее построил Кан-Торе. В те времена городок занимал небольшую территорию, границы совпадали со стенами крепости...

После моей смерти, чтобы защититься от нападений дерзких разбойников, мой отец окружил городок каменной стеной и глубоким рвом. Ров был наполнен водой из ближайшего озера. Во всех этих работах рядом с отцом находился Кан-Торе. Он смог стать отцу надежной опорой и поддержкой.

В это время к городу со всех сторон начали стекаться роды и подразделения племени Бозок. Мой Торе строил им из камня дома. Если не забыл, в начале разговора я упомянула, что отец был правителем и беком этого города. Он был одним из первых жителей, кто обосновался здесь.

Отец, уповавший всегда на волю Бога, рассчитывавший весной двинуться в откочевку в поисках земли обетованной, после моей смерти отказался от этой мысли. У него появилась привычка сторониться домашних, замыкаться и не разговаривать с ними. Он и раньше был неразговорчивым, а теперь и вовсе сделался нелюдимым.

В один прекрасный день он собрал джигитов-работников, приказал оповестить всех старейшин городка, что приглашает на званый обед. Были забыты откорм-

ленные жеребята и множество овец. Домашние с радостью восприняла эту весть. Видимо, им хотелось хотя бы на день стряхнуть с себя тягостный груз долгого траура, который изнурял душу.

На обед пришли все приглашенные. Вкушая сочный и жирный куырдак из мяса жеребенка и долго запивая его чаем, гости были поглощены интересной беседой. За дастарханом отец посадил Кан-Торе с правой стороны от себя, к делам он его не привлекал. За гостями прилежно ухаживали джигиты-работники и сноровистые молодки. После чая гости вышли на свежий воздух, чтобы отдохнуть и поразмяться, а когда вернулись к дастархану, им предложили вареное мясо. Когда мясо наполовину было съедено, отец приступил к главному разговору.

– Старейшины и старцы племени Бозок, мои наставники! Я должен получить от вас благословение. Вы все знаете, как погибла моя бесценная Бану-Шешек. Здесь, наверное, есть и моя вина. Похоже, что есть и такие, кто говорит об этом. Но что делать... Мы собирались на большую откочевку в другие края. На самом деле я думал так: «Неизвестно, что ждет нас впереди». Правда и то, что я опасался, что моя дорогая дочь может быть захвачена злонамеренными чужаками, которые встретятся по пути. Что скрывать теперь это? Поэтому я захотел выдать ее замуж, пока пребываем среди своего народа. Правда и то, что когда дочь выразила желание самой выбрать жениха, я не смог остановить ее. Если я и совершил ошибку, то, наверное, здесь. Я думал: «Что плохого в том, если дочь сама выберет себе спутника на всю жизнь?» Я думал так, однако, выходит, многочисленный народ огузов придерживался иного мнения. Пока я ждал опасности от чужаков, монгольских сарбазов, или от разбойников, встречающихся в степи на караванных тропах, милая Бану-Шешек нашла смерть от рук соплеменников. Все это, видимо, происки судьбы. Я сегодня хочу сказать о другом. Я не смогу куда-то откочевать, бросив могилу моей единственной дочери. На это у меня не хватит духу. Хочу остаться здесь. Для моего скота хватит пастбищ и на здешних лугах. Я не стану останавливать тех, кто решит: «Откочуем, чтобы искать новые пастбища и удобные стоянки, пойдем за племенами огузов, которые откочевали раньше нас». Пусть Бог оберегает вас. С этой поры выберите среди вас нового предводителя, который поведет вас, – то есть бека. Эта земля выбрана мною и для моего праха, который когда-нибудь будет лежать здесь. Я не хочу расстраивать вас. Просто я хочу известить вас о своем решении. Ну а теперь прошу угощаться, – сказав это, отец замолчал.

Когда отец, глянув на джигита, разносившего яства, сказал ему: «Принесите блюдо Кан-Торе», – джигит принес и поставил перед Торе массивное блюдо. Увидев на блюде большую берцовую кость с мясом целиком, старейшины значительно переглянулись.

Мой отец продолжил речь:

– Я не могу идти против воли Бога. Пережитое горе я воспринял как испытание, ниспосланное нам. Мы же и прежде были обделенными людьми. И я принял решение достойно пройти и это испытание. Кан-Торе вошел в мою семью, словно по воле Бога. Я подумал: «Взяв дочь, Он дал мне сына». И я хочу открыться вам, рассказав, что принял Кан-Торе как сына. Возможно, вы спрашиваете себя, дескать, почему он посадил зятя повыше, по правую руку от себя? Дав сыну в руку берцовую кость, взяв Коран, хочу сказать перед Богом, что беру на себя обязательство впредь все тяготы сына разделять вместе с ним. Отныне он обретает

права распорядителя всего имущества моей династии, всего скота там, где я есть, и там, где меня нет. Почтенные, признайте его полноправным распорядителем нашего становища. Я объявляю его моим наследником. Как это поймете, как воспримите, это ваше дело.

И свою речь отец закончил словами, что останется на этой земле со своим сыном. Лучшие люди Бозока сидели, потупившись, уставившись взглядами в землю.

Отец обратился к Торе:

– Торежан, сын мой, срежь мясо с берцовой кости и раздай всем старейшинам, пусть вкусят угощение. Они – почитаемые люди нашего рода, теперь они старшие родичи и для тебя. Ты должен хорошо знать их всех!

Мой Торе старательно нарезал мясо тонкими ломтями, смешал его со слоями жира и своими руками предложил старейшинам. Удовлетворенные старцы, прозвонив друг за другом: «Да воздастся тебе!», «Да возрастет твоя сила!», благословили его.

Отец тепло сказал:

– Торежан, теперь ты сам дочиста объешь берцовую кость.

В его голосе ощущалась сердечное расположение, приязнь к моему Торе. Люди, сидящие за дастарханом, ясно почувствовали это. После угощения гости наперебой принялись поздравлять отца, выражая ему признательность.

Прошло цветущее лето, дождливая осень, снежная зима, опять зазеленела земля, наступила весна. Однако племя Бозок не стало откочевывать в поисках обетованной земли. Все остались на своих местах. Видимо, у них не хватило духу покинуть бека и откочевать, оставив здесь часть родичей. Напротив, привлеченные богатством этой земли, ее водой и пастбищами, прибывали сюда кочевье за кочевьем. Поселение разрослось. Большинство прибывающих были из племени кипчаков. Привлекало ли их то, что Кан-Торе был для них свой человек, или они решили, что здешние пастбища весьма удобны для них, – это мне неизвестно. Как бы то ни было, число кипчаков все увеличивалось. Они расширили границы становища. Построили множество домов...

ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС ШЫРАКБЕКА

Поразмыслив над историей, услышанной от Бану-Шешек, Шыракбек понял, что в анализе результатов раскопок найденного города он не ошибся и не ушел от исторической правды. Изучая найденные артефакты, он пришел к выводу, что город был основан в древнетюркское время и пришел к процветанию в кипчакскую эпоху. Слова Бану-Шешек стали для него дополнительным доказательством этого. Он окончательно поверил в верность своих предположений.

– Батыр-джигит, ты правильно думаешь, это так и было, – сказал призрак Бану-Шешек, словно подтверждая его мысли.

Тем не менее он еще не получил ответа на главный свой вопрос, беспокоивший его душу. Он все не решался спросить об этом у Бану-Шешек. И ему не хотелось вмешиваться в ее сказ.

Бану-Шешек прочитала мысли Шыракбека.

– Спрашивай, Батыр-джигит. Что ты еще хочешь узнать? – сказала она с улыбкой.

Действительно, как похожа эта улыбка на улыбку слепка черепа девушки. «Япырмай, до чего же приятная улыбка», – подумал он. Бану-Шешек снова безмолвно усмехнулась.

Шыракбек, собравшись с духом, приступил к изложению своей просьбы:

– Милая Бану-Шешек, услышав от тебя самой историю твоей гибели, я все понял. Что поделаешь, не вкусив его прелестей, ты покинула сей бранный мир слишком юной. Вся душа моя горит от сочувствия к тебе. Спасибо тебе за историю. Ты облегчила свою душу, а я словно побывал в древней эпохе огузов. Чтобы установить истину той эпохи, у меня, кроме тебя, нет ни одного свидетеля, нет ни одного ценного доказательства. Как звался этот город? Не помнишь ли этого?

– Эх, Батыр-джигит. О чем я тебе говорила в течение стольких дней? Если бы ты внимательно слушал историю с самого начала, ты сам бы понял это. Я же говорила, что сюда прикочевали и обосновались старшие сыновья Огуз-кагана? В наше время это становище называли Станом Бозоков.

– Бану-Шешек, а что, если я в своем отчете укажу, что это место называется городом Бану-Шешек-бегим?

– Не смей этого делать! Здесь нет никакой моей заслуги. Мне будет стыдно перед аруахами предков, затем перед аруахом Кан-Торе. Вы нашли на краю города остатки больших сооружений?

– Да, нашли. На нашем языке их называют мавзолеи.

– Ну тогда слушай, в этих больших погребениях покоятся останки лучших людей племени Бозок, которые прикочевали сюда вместе с отцом, заложили фундамент города. Там же останки моих родителей. Эти сооружения воздвиг собственными руками Кан-Торе-мырза, названный лучшим из мастеров.

Шыракбек тотчас подхватил эти слова:

– Если так, давай назовем этот город именем героя, кипчака Кан-Торе.

– Батыр-джигит, неужели ты стал шутить со мной? Как ты думаешь, не возропшут, не возмутятся ли аруахи старейшин племени Бозок, если ты назовешь место их упокоения именем их зятя? Не называй так! Откажись от этой мысли здесь же передо мной!

– Откажусь, откажусь... Если так, назовем все это место общим именем Бозок. В отчете напишу так и постараюсь привести доказательства.

– Теперь ты принял правильное решение. Батыр-джигит, ты должен внять моим словам. Ты сможешь это доказать, потому что с самого начала взял верное направление. Доказательства у тебя на руках. Ведь время откочевки племен огузов с берегов Сырдарьи и время строительства города, найденного вами, совпадают, не так ли? Ты, не веря в свои предположения и сомневаясь в своих выводах, пробудил мой аруах. Ты хотел, чтобы мертвые кости и окаменевшие бусы заговорили. Я часто видела, как ты в муках сомнений расхаживал по своей лаборатории. Кое-какие твои поступки напомнили мне моего Кан-Торе. Сходств было немало. И я решила войти в твой сон, чтобы заставить тебя поверить в свои мысли, вдохновить твой дух, вызволить его из смятения и раздвоенности.

Помнишь, как в первое же полнолуние я вошла в твой сон, чтобы ты увидел меня. Я вошла в твой сон, будучи не столь уверенной, поверишь ты моему рассказу или нет. Ты сразу поверил. Всей душой воспринял сказанное и начал обдумывать все это. Я только подтверждала твои собственные мысли, свидетельствуя им. Все сводилось к этому. Я укрепила твою веру в самого себя.

– Скажи, Бану-Шешек, почему ты называешь меня Батыр-джигит?

– В наше время всех умелых и сведущих людей называли словом «батыр».

А ты, в самом деле, настоящий Батыр-джигит. Ты, не боясь, раскапываешь погребения, мимо которых другие люди проходят с содроганием. Это же проявление батыра?

– На нашем языке это называется наукой.

– Все равно это не просто. Можно спросить тебя кое о чем?

– Спрашивай.

– Если бы мы жили в одно время, а не через десять веков, могли бы мы встретиться? Что говорит об этом твоя наука?

– Вполне возможно.

– И тогда ты влюбился бы в меня?

– Милая Бану-Шешек, я и сейчас влюблен в тебя.

– Неужели?

– Да, Бану-Шешек-бегим, я стал с нетерпением ожидать этих снов, этих встреч, чтобы мы могли проводить время вместе, стал сильно скучать по тебе. Если бы ты знала, как я тосковал по тебе! А увидев тебя во сне, я ощущал себя на седьмом небе. Это была бесценная радость, которую ты дарила мне.

– Батыр-джигит, меня нет среди живых. Я же предупредила тебя, что я призрак. Что это с тобой?

– Все равно ты мне нужна. Эх, как я мечтаю, чтобы ты любила меня так же, как Кан-Торе! Прошу тебя, почаще приходи ко мне во сне...

– Нет, Батыр-джигит! Когда я выбирала настоящего джигита, то встретила Кан-Торе. Мой выбор пал на него. И я не жалею об этом! Не могу скрывать от кого-либо, что беззаветно любила его. До сих пор помню, как он страстно вдыхал запах моих волосы, обнимал, целовал меня в лоб. Мой дорогой Торе научил меня любить! Даже если снова явлюсь в мир, не смогу кого-либо полюбить так, как любила Кан-Торе. Никто не сравнится с моим Торе. Думаю, что даже если полюблю кого-либо, все равно не смогу принять его, сравнивая с моим Кан-Торе... Когда я провела с моим Кан-Торе один неполный день в густом сосновом бору, во мне пробудилось чувство любви, оно проклюнулось во мне почкой, пустило росток, а в своем доме-отау в брачную ночь я пережила волшебные, невыразимые мгновения. Пусть они были недолгими, но реальными, настоящими чувствами. Теперь это повторить невозможно...

Батыр-джигит, такие разговоры не нужны. Постарайся скорее забыть про меня, являющуюся во сне. Есть у меня последняя просьба к тебе: соедини мой скелет и череп, отнеси в погребение и скорее прикрой землей. Прочти молитву. И тогда я спокойно вернусь в обитель духов. Если ты хочешь, чтобы мой дух возрадовался, поминай мое имя в молитвах. Мне больше ничего не нужно.

Твоя любовь излишня. За одну только краткую любовь я принесла в жертву свою душу и молодую жизнь. У меня нет другой души для другого человека. Нет и желания. Нет необходимости для меня в такой любви. Знай это, Батыр-джигит. Ты тоже джигит с широкой и щедрой душой. Только душа у тебя утомленная и несобранная. Однако все встанет на свои места. Ты нашел под глиной древний город и раскопал его. Это город, найденный тобой. Никто не оспорит это. Слава и почет принадлежат тебе. Ты вывел мой томящийся дух на свет всего мира.

Батыр-джигит, ты теперь ясно знаешь, что у огузов была дочь по имени Бану-Шешек, что в шестнадцать лет в ее душе пробудился порыв к вольному чувству и что за свободный выбор своего избранника она стала жертвой злодейской стрелы. Есть такая печальная история у народа древнего города, явленного свету из земли. И я, поведав тебе эту историю, избавилась от печали...

Если мой Кан-Торе был настоящим джигитом своего времени, то ты – настоящий джигит своего времени. Но я все равно не могу полюбить тебя, Батыр-джигит. Между нами лежит десять веков времени. Десять веков... Десять веков... Десять веков...

Призрак Бану-Шешек начал таять, а голос слабеть. А Шыракбек, словно потерял дорогого человека, обмякнув, лежал, содрогаясь в безмолвных слезах.

Он ясно понял, что дух Бану-Шешек теперь не вернется.

– Прощай, Бану-Шешек! Прощай, лучшая из рожденных огузами! Прощай, дочь Бозока! Прощай... Пусть твое место будет в раю, повелительница истинной любви! – сказал он прерывающимся голосом. – Хотя твое тело умерло десять веков назад, дух твой вечно жив. Он будет витать над древним городом. Духи не умирают... Я верю в это, – сказал Шыракбек.

* * *

И я, записывающая на бумагу эту историю Бану-Шешек-бегим, тоже сказала: «Прощай, дочь Бозока! Пусть твой дух будет благодарен за эту запись, лучшая из рожденных огузами!» – и слезинка, выкатившись из моих глаз, упала на бумагу...

Перевод Аслана Жаксылыкова

